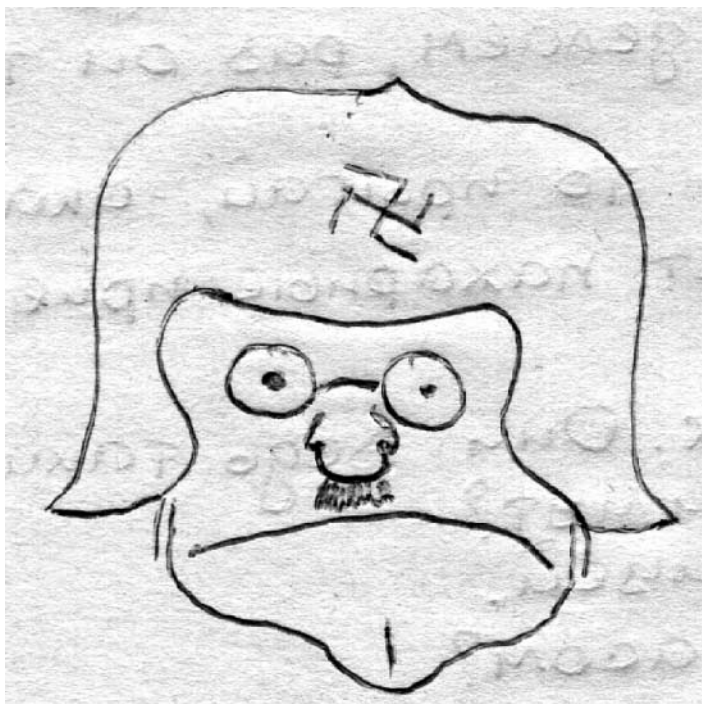

AKM #11

W i r m ü s s e n s e i g e n

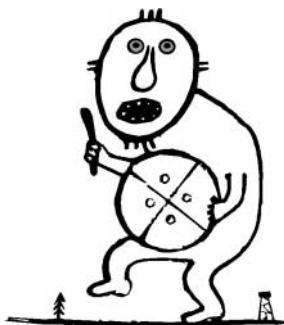
Журнал
литературы экстремальных
направлений

АКМ

представляет

радикал-примитивистскую
группировку

Людская
солидарность

ЭКЗИСТЕНЦ

От познелатинского EXSISTENTIA — существование.

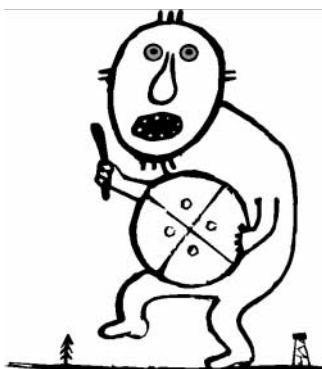
*Центральное понятие 11-го номера журнала экстремальной литературы **АКМ**.*

Во всеобщей вязкости накапливания благосостояния и добывания хлеба насущного, между натужной иллюминацией и угрюмой фармакологией, объединяя низость и величие и отвергая обоих напрочь,
рассекает тусклую сферу современного ему существования журнал экстремальной литературы **АКМ**.

Традиционно стремясь к чему-то высшему, новому, неизведанному, журнал **АКМ** привык радовать своих читателей экспериментальными выходками и казусами.

Больше этого не будет.
Пришло время повседневной революционной работы.

ЖУРНАЛАКМ ПРЕДСТАВЛЯЕТ
радикал-примитивистскую
группировку
«Людская солидарность»

В 11-м номере журнала экстремальной литературы **АКМ** опубликованы наиболее короткие и характерные рассказы и стихи участников группировки. В журнал не вошли большие и полноцветные произведения участников. Также не вошли их музыкальные, театральные и социальные действия.

Желая хоть немного компенсировать этот значительный пробел, редакция отбирала произведения в первую очередь те, которые, имея небольшой объем, объединены с другими произведениями в некие сюжетные/тематические/духовные союзы.

Здесь тайный смысл.

*Словесность 11-го номера журнала **АКМ** не нова.*

Это видно. Это потому, что новизна его авторам безразлична. Кроме того, его авторам безразлична сама словесность, а также культура, контркультура, андерграунд, авангард, модернизм, постмодернизм, мейнстрим, серебряный век, орфография и пунктуация.

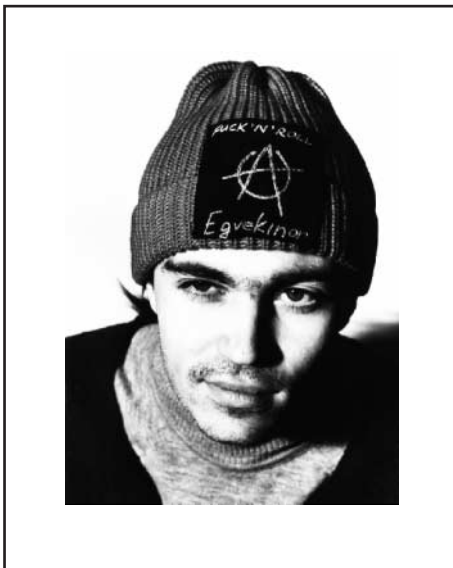
Авторов 11-го номера журнала **АКМ** заботит
ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ.

Экстремистская молодость авторов побуждает их углубляться в исследование человеческой природы в пограничных (иначе — экстремальных) состояниях его психо-, социо- и физиологии. *Авторов радикального примитивизма задевает за живое современное состояние социума.*

Рожденные и вскормленные в индустриальном городе с рабочей историей и продувным ветром на месте культуры, радикал-примитивисты испытывают необоримое желание выразить и донести до наибольшего количества реципиентов свое наиболее полное понимание. Постиндустриальный мир описывается языком постиндустриального искусства; этим языком в совершенстве владеют поэты нового мира — радикал-примитивисты.

Тебе умирать в этом мире.

Ромыч

Кельт

ВАРЕЖКИ И РУКАВИЦЫ

1. Встретились две варежки. Одна вывернулась наизнанку, да так и осталась.

2. Встретились варежка и рукавица. Хорошо. Вывернулись наизнанку. У рукавицы — вязаная теплая изнанка, а у варежки — голое нутро. Как похолодало, так рукавица — назад, а варежке уже и жизнь не мила.

3. Жила Дева, и была у нее варежка. А второй не было. Ну, разве это дело?

4. Встретились две варежки. И так им вместе хорошо, да только вот беда — обе левые.

5. Прошло время. Ни рукавицы, ни варежки, одна изнанка.

6. Хуй кто объяснит, зачем нужна варежке вторая варежка, а не рука, к примеру.

7. Была у Девы варежка. Вот варежка вывернулась наизнанку, а Дева думает: «А это реально?»

8. Жизнь рукавицы сложна и полна превратностей. Ну и что? И ничего.

9. В варежке жили: муравей, лягушка, мышь, заяц, лиса, медведь, еще какие-то люди, а Девы не было. Просто так получилось.

10. Деве не нравилось, когда ей говорили, что все вокруг — дерьмо. И все равно, все вокруг — дерьмо.

11. Варезка наизнанку, рукавица наизнанку, а Дева куда?

12. Закон варезек: когда очень плохо — тогда уже хорошо, когда слишком хорошо — уже плохо.

13. Кому нужна варезка, вывернутая наизнанку?

14. Встретились Дева, варезка и горнолыжник. Хорошо. Похолодало — стало слишком хорошо. Все вокруг — дерьмо. Уже плохо. Еще больше дерьма. Уже хорошо. Хуй кто объяснит это.

15. Варезки, девы, рукавицы — на хуй все это мне нужно?

*17 октября 1995
Луганск*

ХРАМ

Я зашел в большое светлое здание. Внутри стоял жуткий холод. Я застегнул молнию на куртке до самого подбородка. Вокруг было множество девушек в кожаных шубах с сумками из волос. Одна из них стала показывать фотоальбом. На цветных снимках была ее кошка — рыжая и откормленная. Вот она сидит на японском телевизоре, вот смотрит на домашнего какаду, а вот дерет когти о турецкий ковер. На последнем снимке кошка ела какие-то коричневые консервы, положенные в желтую фарфоровую чашку конической формы. Рядом стояла красная чашка с белым молоком. Я молчал, трогая в кармане сухой бублик, найденный сегодня на подоконнике.

17.10.95

Одному хуево. Вдвоем.
Вдвоем вдвойне один. Хуй.

95

ИСТОРИЯ ШЕСТИ МУДАКОВ (В ПРОЗЕ)

Публикуется впервые

Музыка К. Шульца - 1979 г. (Dipe).

«Постель»

Р. Раушенберг

«Доидя до полного аннулирования»

К. Малевич

В столовой №24 за круглым столом сообрались: Климов, Еремеев, Самгин, трясущийся Дятлов, Савойский. Чуть позже подошел Лемарь с бутылкой. Все они были мудаки.

— Будем пить водку? — спросил Лемарь и разлил ее по стаканам.

— Водку? — спросил Самгин и упал под стол.

Климов молча достал банку с капустой и стал ее открывать.

— Будем пить, — ответил трясущийся Дятлов, пристально глядя на Лемаря. Климов молча выронил банку и она разбилась.

— Самгин, достань хлеба, — сказал Лемарь и сунул пустую банку в карман брюк Еремеева. Климов встал на разбросанную капусту и она заскрипела. Самгин встал с пола и положил на стол

колбасу и четыре яйца. Все заговорили разом.

— Ну, выпьем..., — начал Еремеев, но тут что-то громко щелкнуло и все смолкли, глядя друг на друга. Это официант щелкнул пальцами у уха Еремеева и сказал: «Распивать не дозволено».

— Пошел вон, — сухо сказал Климов Савойскому и официант удалился, держа за живот. Дятлов съел яйцо, потом еще одно и собрался уходить, но услышал крик Еремеева «Поехали!» и остался. Все выпили по стакану. Стали закусывать.

— Мне не досталось яйца, — сказал, улыбаясь, Савойский.

Климов: — Ну, как пошла? Ну, как пошла? Ну, как пош

Савойский — Лемарю: — А ты что колбасу жрешь, сука?!

Лемарь, запихивая колбасу за пазуху: — Ну, еще по маленькой?

Дятлов захрипел: — Маленькая! Иди сюда!

Климов, зажав Дятлова между ног: — Ну, как пошла?

Еремеев, падая: — Ну, выпьем

— Водку? — спросил Самгин и сделал адский буссель.

— Что тут? — поинтересовалась подошедшая Маленькая.

Дятлов кинулся на нее и попробовал поцеловать, но смутился и плюнул Климову на плечо пенистой слюной.

Еремеев, лежа на полу, достал газетку и постелил ее на ботинки Савойского, чтоб не испачкать, и стал тихо блевать на нее. Савойский убрал газетку за уголки и одел ботинки.

— Самгин, достань хлеба, — сказал Лемарь и достал снизу из-под рубашки треснувшую колбасу.

Самгин, доставая икону и глядя на нее: — А как вы думаете, бог есть?

Климов со слюной на плече, смотрит на икону, но не отвечает. Савойский в ботинках, видя вошедшего Льва Нико-

лаевича Толстого: — А как вы думаете, Толстой есть?

Дятлов: — Я за себя не ручаюсь, ты слышишь, гадюка-сука?

Савойский: — А я думаю, есть.

Климов, обняв вставшего Еремеева: — И мы так думаем — есть.

Дятлов, засучив рукава: — А вот и нет! А вот и врете!

Самгин с иконой и Толстым вырывают у визжащего Дятлова передний зуб.

Дятлов: — А-а-а, фуки! Вуб, вуб!!!

Еремеев ест какую-то гадость и говорит: — Ну, как вошла?

Дятлов, придельвая вырванный вуб: — Гниды.

Савойский: — Ну, что? По домам?

Все садятся в круг на полу и пускают по рукам колбасу.

— Бог есть, — говорит Еремеев и добавляет. — Водки нет.

— Есть! — кричит Климов и бьется головой о Самгина.

— Но не у нас, — подводит итог Самгин, ковыряя в ухе.

Дятлов тихонечко писает в угол, но официант замечает это и метает в Дятлова серебряным подносом. Поднос свистит мимо и бьет развеселившегося Климова в лоб.

— Во звездануло! — орет окровавленный Климов. — Пол-бороды отхватило! Оттяпало!

Дятлов, улыбаясь официанту, вытирает руки о занавеску.

— Ну, будет, — говорит Лев Толстой и пишет карандашом что-то на стене. Все затихают. Савойский тихо пукает.

— Что тут? — спросила раскрасневшаяся Маленькая.

— Поехали! — орет Еремеев, размахивая своим костылем.

— Да прямо там! — ехидничает ехидный Дятлов.

— Во долбануло! — орет Климов. — Но ничего, я этого так не оставлю! Выпьем!

Он достает бутылку водки, разливает по стаканам и чихает.

— Ну, поехали! — тихо шепчет почерневший Еремеев.

— Да, поехали-ка, — говорит Самгин, глядя на Еремеева.

— Сто-о-ой! — орет Дятлов. — У меня стакан пустой!

Все обступают его и, грозно шевеля бровями, молчат.

— Что ж ты, падла, — говорит Савойский, указывая в Дятлова мизинцем и тихо пукая. Дятлов убегает. Климов молча пьет водку и съедает две землянички. Все галдят и пьют.

Еремеев, светлея челом: — А где моя земляничка?

Климов: — Две.

Еремеев: — Две!

Вбегают Дятлов с пулеметом и кричит: — Сто-о-ой! Стреляю без предупреждения! Вогонь!

Климов кидает в него подносом и прячется за стол. Поднос бьет Дятлова по зубам и он улетает в окно.

Еремеев: — Климов, где же справедливость?

Климов: — Здесь.

Савойский: — Фу, напердели, ослы! Я ухожу. Ишь, бордель какой!

Еремеев: — Постой, почему мы все так несчастны?

Самгин, застегивая ширинку: — Это самолюбие, да?

Климов, подскальзываясь на соплях Дятлова: — Где?

Входит голый Дятлов: — Там раздели и дали номерок

Савойский, удивленно: — Что за номерок?

Дятлов тихо, сконфуженно: — Двадцать восемь.

Самгин, смеясь: — Не-е-ет, все таки бог есть!

Климов: — Максим, какой же вы, в сущности, мудило

Дятлов, дрожа: — Есть хочу, черт бы вас всех побрал!

Еремеев, бросая ему огурец: — Накось, пососи пока-что.

Савойский берет Еремеева за зад: — Эх, братушка родной!

Климов, задумчиво: — Полбороды оттяпало Ишь ты!

Самгин, расстегивая жилет: — Это самолюбие, да?

Дятлов, одевая брюки официанта и сюртук Толстого: — Это огурец.

Лемарь, просыпаясь: — А пошли вы все в звезду, иуды!

1992 г.

КРАТЧАЙШЕЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО СУЩЕСТВОВАНИЯ БОГА

КОЗЬМА
ПРУТКОВ—

—ВОТ
кратчайшее доказательство
существования
БОГА.

Кельт, © 1995 г.

PREPOSSESSING RENUNCIATION

ошибка. Он дернулся всем телом, полы шубы внезапно распахнулись, у меня ментально наступила эрекция, и тут он меня съел.

1.

Я два часа сидел на стуле, размышляя о чем-то. Потом я зачем-то вскочил и простоял 15 минут. Потом я начал быстро раздеваться. Я снял шубу, шапку, костюм, кальсоны и оставил все это на стуле так, что казалось — это сидит человек. Голый, я отскочил в сторону и сказал, обращаясь к одежде:

— Эй ты! Слышишь меня? Ничтожество!

Сидящий на стуле не подавал признаков жизни.

— Сукин ты кот! — продолжал я. — Чего молчишь? Я к тебе обращаюсь. Для тебя не будет неожиданностью услышать, какое ты фуфло, какой трус и сволочь. Когда тебе угрожают, ты от страха за свою поганую шкуру готов жопу лизать кому угодно. Я тебя как облупленного знаю, ты от меня ничего не скроешь. И то, что ты не умеешь себя вести с женщинами, мне прекрасно известно. Твоя робость — всего лишь проявление низости и плебейства. Ты — навеки усредненная личность, не способная даже приблизиться к какой бы то ни было маргинальности. Подлец, какой же подлец!.. Мразь!.. Курва!..

Устав, я прилег поспать. Через час я возобновил беседу с этим мерзавцем. Я назвал его тварью, слизняком и бессмысленным выродком. Он помолчал. Когда я сказал ему, что он — одинокий грязный неудачник, он слегка пошевелился. Я сразу же добавил, что считаю его гнилым и абсолютно бездарным субъектом, пошлым обывателем и, просто-напросто, скотом. Он накренился на своем стуле и его шапка упала на пол. Тогда я заорал, прыгая перед его лицом, что он — чудовищная и нелепая

2.

Я решил больше не ходить на работу. И дело не только в моей физиологии, но и вообще — в принципе всего мироустройства. По утрам я просто смотрел, как мать работает на кухне, стряпая или стирая белье. Так я убивал дни. Вечером я ложился спать. За ночь опять вокруг меня выростала белая скорлупа. Она доходила мне до пупка. Утром мать подходила и разбивала скорлупу рукояткой кухонного ножа. Так и шли дни, среди которых нельзя было выделить ни одного особенного.

Как-то мать принесла мне коробку теофедрина. Я проглотил шесть таблеток и стал мечтать. Вот, думал я, моя скорлупа вполне сгодилась бы для мореплавания. И я уже плыл по бурному морю, качаясь белым поплавком. И даже, приделав крылья, я мог бы летать над волнами, как альбатрос. Я бы прорубил в скорлупе оконце, обустроил бы внутреннее пространство и жил бы отшельником, строча меланхоличные стишки и питаюсь сырыми креветками. Я бы проникнул в центр земли, погружаясь в поток магмы, исследуя это чертово земное ядро. А может, его и нет вообще, и там, глубоко внизу, пустота или лед, а над миром — черная сталь твердого неба и все мы живем как бы внутри. Четверокрылые птицы с криками разбиваются о тучи и, мертвые, падают в ледяные воды бездушного Океана. Я выпрыгиваю из вулкана и погружаюсь в полную изоляцию от мира. Я плачу и вспоминаю свободный полет в странной стратосфере. Камни режут мне лицо, я задыхаюсь в своем тесном мирке и обо мне никто никогда не узнает. Раз-

ве что случайные геологи, много веков спустя. Я в музее археологии. Я — экспонат. Я за стеклом, двойная изоляция. Жив ли я? Прорубь моего окошка заросла жестокой солью. А сам я плыву в глубине бессмертных вод, переливаюсь радужным диском и лечу к Луне.

Однажды мать куда-то подевалась. Я лег спать. Наутро она не пришла ко мне. Ее рабочий телефон я не знал. Так прошел еще день. Скорлупа к вечеру доходила мне до горла. Ночью скорлупа стала закрывать пол-лица, а на следующее утро я уже был внутри яйца. Так я задохнулся и умер

ОДИН В ЧУЖОМ ДОМЕ

Все это, следует полагать, происходит в недалеком будущем. В столь недалеком, как и сам этот каламбур. Значит, все с самого начала обречено на некую пародийную жизнь в обмозгованном сердцем пространстве.

* * *

Фредерик Оуд работал частным сыщиком. Сказать о нем больше — значит унижить его до неимоверной скуки и тошнотворной зевоты. Не стоит.

В контору Оуда пришел господин Мемн, представившись директором кинотеатра «Астарта». Дело было скандальное и оттого — нешуточное. Фредерик Оуд прочистил горло и сел удобнее.

Кинотеатр «Астарта» практиковал психотропное кино и имел лицензию, подтвержденную департаментом и окружным судом. Суть сеансов была в следующем, прошу внимания, господа.

Каждому зрителю перед входом в просмотровый зал делалась инъекция морфия. Зал заполнялся обычно полностью — все 300 мест, не так уж много. Проходило немного времени для осваивания новых ощущений и тогда демонстрировался фильм. Фильмотека состояла из определенных спецкартин, идущих в фондах под грифом «X-M-X». Зрители сидели в отдельных стеклянных кабинках и слышали отменный квадразвук. Все, кто хоть раз был в подобных кинотеатрах, к примеру в «Рубусе», «Эймхолле» или «Стикс парке», вспоминают о том, что на протяжении всего сеанса в сумрачном зале порхают крупные ночные мотыльки, лиловые или фиолетово-красные.

В тот злосчастный день в «Астарте» шла картина «Ивоук» режиссера Рассела Грассфорда, ныне покойного и так и не дожившего до премьеры своего детища. Он умер в 88 лет прямо на монтаже картины, в студии. Фильм был очень насыщенным, ярким, напряженно-эротическим и длинным. Зал был заполнен 270 зрителями, шел утренний сеанс. Через четыре часа, т.е. по окончании фильма, вахтер отпер двери и отдернул бархатно-багровые шторы. Зал был пуст.

* * *

На город спустилась ночь. С телеэкранов хрипели о банкротствах в сфере психотропной киноиндустрии, о нависшей тотальной угрозе. Фредерик Оуд сидел в кресле, пил кофе, но на экран не смотрел. За его спиной, на диване среди смятых простыней лежала обнаженная девица, с которой Оуд познакомился позавчера. Она смотрела телепередачу. Оуд не обдумывал свое новое дело, в его голове стояла редкостная тишина и сверкали янтарные молнии. Девица поднялась, подошла к нему и с ногами забралась в его кресло, положив голову ему на грудь. На столи-

ке у абажура лежала опустевшая упаковка амфетамина.

* * *

Дело об исчезновении 270-ти человек не было процессом века, но представляло собой весьма хлопотную задачу. Всех исчезнувших удалось идентифицировать по видеозаписи у билетных касс, практиковавшейся в обязательном порядке. Их всех распределили по частным детективам, на сыщика по человеку. Фредерику Оуду достался тезка по фамилии Дидро. Оуд должен был либо найти исчезнувшего, либо выяснить факты и причины этой пропажи.

Логическое мышление, как, впрочем, и парадоксальное, Оуд стимулировал с помощью нового препарата «Олтадрон».

Три таблетки в день.

* * *

Прежде всего, выяснилось, что из зала исчезло все, кроме кресел, штор и т.д. А именно: посетители, их одежда, обувь, вещи, возможный мусор, билеты, деньги. Зал являлся абсолютно непроницаемым бункером, запиравшимся снаружи на время сеанса. Даже если замок сломать, то идти придется через холл, где всегда есть дежурный и масса работников. Исключено.

Оуд посетил сам зал «Астарты» и не нашел ни единой зацепки. Он увидел пятно на полу, но это оказалась лишь тень от его головы. Такому количеству людей нигде здесь спрятаться. Исключено.

— Так, мне нужен оператор, — сказал Фредерик Оуд.

Тут выяснилось, что оператор шел в списке пропавших за номером 269-м

— Кто последний в списке? — поинтересовался сыщик.

Последней значилась Молли Киф, подруга оператора. Нарушив инструкцию, оператор привел к себе Молли, они вкололи себе тот же морфий, что и у

зрителей, и стали смотреть в окошко фильм. Господин Мемн покраснел.

— Возможно, они занимались любовью во время сеанса, — выдавил директор и поднял глаза на Оуда.

— Не исключено, — ответил тот.

В кабине оператора тоже было пусто, не считая толпы частных сыщиков, топтавшихся тут по той же причине, что и Оуд. Сыщики недолюбливают коллег.

* * *

Выяснилось, что у директора Мемна алиби. Во время сеанса он находился в объятиях своей загородной любовницы, знаменитой писательницы. Шумное дельце.

Оставался вахтер, запиравший и отключавший двери. Весь сеанс он вместе со всеми другими служащими отгружал новые поступления морфия, складывая ящики на специальные полки. 100% алиби.

Очередной вечер втягивал Оуда в воронку теплого омута, обдавая сексуальным ароматом сочащейся немислимой плоти и исторгая чистейшие идеи непревзойденной симметрии

— Так, — подумал Оуд. — Теперь мотыльки.

* * *

В городе была осень. Если сказать о том, какой она была, то все очарование не будет стоить и выеденного словца. Эпитеты тонут в заходящей красноте безразличного солнца. Разве о дождях? Разве о листве? Разве о птицах? Разве о пыльных ветрах? Более старо, чем прекрасно. Руины совести ухмыляются, глядя на эту осень.

* * *

— Мотыльки? — переспросил вахтер. — Да это очень просто! Что-то навряд ли. Заводятся в портьерах, в шторах. Пробовали выводить — ничего не помогает. Ну и оставили это, пушай летают

Только не лиловые они, а желтенькие, как лимон.

— Я хотел бы посмотреть на них, — сказал Фредерик Оуд.

Они прошли в зал, но вахтер никак не мог найти ни одно насекомое. Он даже ползал на четвереньках.

— Нету, мать их так, — развел он руками. — Ни одной.

— Ясно, — туманно ответил Оуд и вышел из зала.

Из разговора с опозоренным директором стало очевидно, что морфий представлял собой государственные поставки и проходил через тройной контроль. Психokino было доходным предприятием. Серия состояла из 300 специальных ампул, в расчете на сеанс. Из последней серии, как известно, осталось 30 ампул. Экспертиза выявила в морфии все обычные компоненты, все как всегда — и раньше никто не исчезал. Оставался сам фильм.

Ленту увезли в киноконцерн и ходили слухи, что она исчезла по дороге в архив. Это просто ложь.

* * *

Фредерик Оуд сидел в компании 269 частных сыщиков и смотрел фильм Грассфорда «Ивоук». Отчего-то всем было не по себе. Возможно, зал, где происходил просмотр, был несколько мрачноват: синие стены, сферический потолок. Пара сыщиков упала в обморок. Оуд крепился, скрипя подлокотниками. Ничего сверхнеобычного не происходило. Фильм был действительно зрелищным, ярким, напряженным и эротически-длинным. В одном эпизоде в течение получаса демонстрировалась обнаженная грудь спящей дамы. Все тело дамы было покрыто искусными контрастными узорами и они каким-то образом двигались. Компьютерная анимация, видимо. Вообще говоря, образов, символов и мифов в фильме хватало. Не говоря

уже о музыке, шумах и умопомрачительных звуках.

После сеанса у многих следопытов трещала голова.

* * *

— Почему не исчезли лента и кинопродюсер? — думал Оуд. — Почему не исчез весь кинотеатр со всеми потрохами? Это та же материя, что и пуговицы, костюмы, очки! Почему не исчез, в конце концов, этот тухлый и рыхлый мир?!

Фредерик Оуд в детстве часто ссорился с отцом.

Теперь оставался режиссер. Оуд посетил его могилу, побывал на студии, поговорил с его дочерью. Затащить ее в постель не удалось. Но — отрицательный результат тоже результат.

Рассел Грассфорд начал снимать в 50 лет. За всю свою жизнь он снял три романтических ленты для обычного кино и свой последний шедевр — «Ивоук», специально для морфийного кино. Умер естественной смертью прямо в монтажной. Во время съемок не употреблял даже стимуляторов, не говоря о более крепких веществах. Запрещал это и оператору и — теоретически — всей съемочной группе. Старик ничем не мог помочь Оуду. Идти по актерам, участвовавшим в картине (а их всего четверо), Оуду казалось пустой затеей.

* * *

Настал момент обратиться к самому пропавшему. Кем был Фредерик Дидро, чем занимался и все такое. Но

Фредерик Оуд сейчас решал несколько иную проблему. Он решил форсировать свои резервы с помощью усиленного приема «Олтадрона» в сочетании с новым кофетаминном. Он понимал, что отыскать хотя бы след Дидро будет стоить ему немалых сил и немалой подготовки.

Вот и увидел он вместо стены в своей квартире — многообещающую пус-

тоту зеркально-звонящей непрерывности. Части собирались в целое, которое само являлось гротескной частью другого шизоидного целого. Течение кислотной иллюзии позволяло трогать себя за самые разные места, гладить, пощипывать, массировать, целовать и впиваться хрустальными клыками в бесконечную кожу вздыхающего соблазна. Господи, сотвори мир, отличный от внутреннего! Хотя бы один, хотя бы плохой! Нет сил вынести извивание скользкой причины, кости растворяются в пресмыкании мыслей, как сахар в кипятке. Помогите, кто рядом! Кто может! Адская боль радости учит жить, не переставая умирать! Я умер во сне, господи, ты слышишь?!!!

* * *

Ледяное утро озарило знобящим хирургическим светом спальню на сороковом этаже. Все предметы замерли, скованные невыносимым холодом, и только будильник зябко отстукивал монотонные секунды. В постели лежал синий и замерзший частный сыщик Фредерик Оуд. Его глаза широко раскрылись за миг до того, как он проснулся. Секунду он лежал неподвижно, затем деланно быстро вскочил с кровати и протанцевал к открытому окну.

— Господи! — воскликнул Оуд, закрывая створки. — Какой холод!

Он в мгновение ока оделся во все шерстяное, что было в доме. И, уже идя на кухню, вдруг вспомнил, что спал эту ночь не один. Он метнулся обратно и увидел, что под одеялом находится некое тело. Это была та самая девица, его последняя подружка. Фредерик Оуд, наконец, понял, что перед ним лежит совершенно ледяное мертвое тело. А засыпала теплой и живой.

Он одел ее, бормоча одну и ту же фразу: «Как некстати» Затем он вызвал лифт, занес труп в кабину и нажал на

сотый. Там он с трудом дотаскал ее до крыши. Над городом висел смог, но поднялось солнце и стало чуть теплее. Это было самое высокое здание на ближайшие три мили. Оуд решал, сбросить ли тело вниз, сымитировав самоубийство, или оставить на крыше, в неясной обстановке. Ему вдруг все осточертело и стало казаться полным бредом. Он закурил и стал спускаться вниз.

* * *

Фредерик Дидро был не лучшим вариантом из «испарившегося кинозала». Во-первых, круглый сирота к 20 годам, во-вторых, странный субъект с неясной биографией, наконец, в-третьих, он исчез в день своего тридцатидвулетия. В молодые годы шел по подозрению в грабежах банков и нарушении правил пользования магнитными карточками кредита. Хобби: коллекционирование книг, причем коллекция не обнаружена и поныне. Холост, вращался среди музыкальной и террористической богемной молодежи. В политических акциях не участвовал. Вот и все.

Дидро, как и Оуд, не закончил университет и оба, похоже, так и не пожалели об этом.

— И все-таки, почему и куда исчезли 270 обколотых зрителей? — силится понять Оуд. Вероятнее всего, думал он, вся соль здесь в редком сочетании определенного количества морфия с определенным набором киноизображений и звуков. Плюс определенный момент времени. Редкое сочетание почти невероятных обстоятельств? Хорошо, понятно — зрители, оператор и его потаскушка, но как быть с мотыльками — их-то никто не обколел. Чутье какая! Бред собачий!

Через два дня Оуд держал в руках папку рукописей Ф. Дидро, в основном, его поэтических изысков. Было ясно, что Дидро был внедрен в психоделическое

творчество, и довольно прочно. Даже из его текстов явствовало, что он был наркоманом.

Хотя, кто из нас не наркоман?

* * *

Роящийся Мед

Ждет полдень медленно, но шатко
Жужжание отдельных слов
Сласть винтовая вместе с взрывом
В моей крови,
    в крови полей,
        где мельницы остов угасший
Все движет лопасти-калеки
Любая женская триглавость
И дым из носа в два потока
Тела в роящемся меду
Взлетела мертвая сорока
Вернулись вспять сухие реки
Могила плавает в саду.

© 14 февраля /подпись/

Игла и Нить

Сорви мою голову вниз
Любимые плечи нагни
Нанизано сердце на нить
Игла утопает в пыли
Бездарные строки гнилья
От двери до срока — приход
От срока до срыва — возврат
И в вечер дремучий поход
Воткни мои руки в золу
Несметные вопли коней
Смола по седому стволу
Вниз капля — иголка за ней.

© 7 ноября /Ф. Д., подпись/

Смотреть так внимательно, что пересыхает в горле, а глаза срastaются в один слепой орган, тупой и ненужный. Когда отстраненность достигает апогея, открывается рот, да так широко, что не видно головы. Да ее и нет уже, осталась лишь пропасть невыросшего слова, туман лживой суггестии среди обрюзгших трезвых щупалец-тел. Но и после этого еще ходит по сморщенным жилам страх, и тесная камера свободы распаивается в смертоносно-уютную метель. Иней проникает сквозь все

условности, и вот тогда, среди зимней комы, приползает или просто ниспадает белый мрак. Безымянное безразличие невидимо и невредимо.

© Фредерик Дидро /подпись/

* * *

Фредерик Оуд не имел на руках ни одного подозреваемого, ни одной улики, и лишь в его мозгу оставалась последняя идея. Однако, как ему мешало липкое предательство осенних безглавых следствий, и смертей в постели во время сна, и сороковых этажей безумия, и зыбких песков выброшенного из моря равновесия тела! Тепло успокоения ежесекундно оборачивалось леденящим кровью кирпичом, свозившим кожу с лица, так что висли оторванные губы и нос, скатывались в трубочки мягкие веки, а борода становилась похожа на расщепленное полено. Страх одиночества — ничто перед самим одиночеством. Закон — ничто перед своим воплощением в неживую жизнь притворных кукол. Палач видит детские сексуальные сны, голые и дрожащие, как студень.

* * *

Оуд вынырнул из бассейна, ухватился за поручни и вылез на синий кафельный пол. С него стекали капли воды, а мокрые и неодрнутые плавки рассеянно притягивали взор одной пловчихи, любительницы античных форм. На ее предложение вместе сходить на массаж Оуд ответил мрачным и неожиданным согласием. Но, вдруг передумав, он сбежал от новой знакомой. Ему требовалась первоклассная тишина и кофе, много кофе, тонны, сотни миллионов тонн кофе, горячего и горького, и дымящегося в большой белой, как смерть, чашке.

Стоп! Довольно! Прежде всего — бизнес.

Следствие не зашло в тупик, о нет. Оно, скорее, начало становиться причиной. Требовался обратный ход. «От двери до срока»

* * *

На крыше было почти стерильно. Ни тела умершей, ни следов, ничего. Оуд подошел к краю и заглянул вниз. Улица была похожа на червя, по которому перекатываются черные кровяные шарики. Через неделю его подружку объявят пропавшей без вести, еще через неделю к нему придет инспектор и будет ласково заглядывать в его невинные глаза. Две недели Время еще есть. Но куда мог деться труп девушки? Может, она вышла из комы и уехала на курорт? Может, его сосед — каннибал? Может, все это — дурной сон, вымысел? Как же, держи карман шире

Оуд выписал себе копию фильма «Ивоук», взял свое следственное удостоверение и пошел в «Астарту», на эксперимент над самим собой. Ему аккуратно ввели зрительскую норму морфия и он занял свое место в зале. Вместо оператора сидел трезвый и тупой офицер полиции, с кобурой, дубинкой и наручниками. Сначала Оуд искал глазами мотыльков, но после тщетных попыток стал уделять больше внимания самой кинокартине. Все было как всегда, только в зале сидел единственный зритель, к тому же, не плативший за билет. Доброволец и безумец. А в холле в большом кресле сидел господин Мемн и нервно курил, то краснея, то бледнея, то впадая в тихую истерику измотанного джентльмена.

* * *

Первая картина Рассела Грассфорда называлась очень просто — «Ошибка». Это была история романтической любви юноши к взрослой медсестре. Юноша в течение года вводил в действие свой гениально продуманный план. Целая

цепь событий в жизни медсестры на самом деле была тщательно спланирована этим молодым гением. Завершающим аккордом во всей логической цепи было намеренное отравление сильнодействующими препаратами с целью попадания в госпиталь, где работала медсестра. Но — скорая помощь, везущая отравленного юношу, попала в легкую аварию и на ремонт потребовались лишние полчаса. Врачи не смогли вытащить юношу из комы, а медсестра так и не узнала о его любви. То есть режиссер явно показал, что излишняя умственность порождает месть со стороны судьбы, когда дело касается чистой и нежной любви.

Это отлично понимал инспектор уголовной полиции Фредерик Д. Алмистри, который вел дело об исчезновении некоего гражданина Ф. Оуда во время обычного киносеанса в зале «Шойт», где демонстрировалась мелодрама «Я помню твои глаза». Все, что было известно об Оуде, это то, что он был обычным дизайнером и одиноким человеком 32 лет от роду. Инспектора Алмистри заинтересовал факт обнаружения на крыше дома, в котором жил Ф. Оуд, тела молодой девушки, опознанной как Молли Киф. Экспертиза установила естественную смерть, во сне. Фактов было не много, свидетелей не было вообще и дело собирались закрывать. Был человек и сплыл, что ж с того?

* * *

Фредерик лежал навзничь на твердом сыром песке. Его лицо было повернуто к правому плечу, за ним шумел морской прибой, перед ним высилась цепь гигантских по высоте скал. Глаза его были раскрыты, он не моргая смотрел перед собой. Прямо возле его лица медленно ползла черная улитка. Фредерик закрыл и вновь открыл глаза: вместо улитки по песку ехал маленький пятни-

стый танк. Фредерик повторял закрытие глаз и каждый раз объект менялся. Далее следовали: чайка, за ней — детский мяч, превратившийся в ком снега, ножницы, яркая брошка, змейка, ручеек, клочок моха, заячья лапа, кубик из стекла, большой кувшин Фредерик понял, — вот что такое вечность; знание о нескончаемости проходящих образов, их бесконечная череда; их неповторяемость вследствие отсутствия феномена памяти. Стало страшно и где-то в глубине — приятно. Поток превращений двигался у самых глаз и существовала лишь последовательность, сами предметы были иллюзией.

Но тут он понял, что все зависит от него и если он усвоит это, то бесконечность станет подвластна ему.

* * *

Господину Мемну, из любопытства заглянувшему в зал «Астарты», показалось, что частный сыщик преспокойно сидит в центре и смеется, глядя блестящими глазами на экран. Оператору-офицеру из его кабины казалось, что единственный зритель зажал руками голову и, сотрясаясь и качаясь, плачет. Фильм «Ивок» шел второй час. Пустые стеклянные кабины мертво поблескивали в лучах проектора, напоминая об отсутствующих 270 бедолагах.

Фредерик Дидро оставил текст под заголовком «Горькая Сирена Трав». Там писалось о том, что настоящий воин всегда умирает осенью или холодным летом. Он лежит на остывающей полосе земли и просто воспринимает мир. А мир сам приходит к нему попрощаться. Человек просто уходит дальше и больше не вернется сюда, поэтому мир в последний раз склоняется над ним и их дыхания соприкасаются. Прощается птица в свинцовом небе, ее тень, само небо и сам цвет свинца, прощается желтеющий лес и мертвая улитка на песке,

все пришло к уходящему и говорит: «Мы больше никогда не увидимся». И тогда одно из двух дыханий прекращается.

Да, исчезнувший Дидро, видно, знал толк в словах

* * *

Он понял, что он все-таки есть. И теперь он знал толк не только в словах. Поток образов легко исчез при малейшем усилии воли. Можно было привыкнуть и освоиться, даже разобратся хоть в чем-нибудь. Где-то поблизости таилось что-то тревожно-восторженное, совершенно невероятное и совсем неизъяснимое. Оно готовилось выплеснуться через какой-то край и Фредерик просто ждал этого, даже без интереса. Прежде чем все произошло, к нему пришла родная до слез идея, идея как он сам, идея-существо о том, что киносеанс, исчезновение, следствие, случайные половые контакты дизайнера Оуда, директор Мемн, полицейские, следователи, весь тот город и все происшествие — только проекция моментального развития какого-то внутреннего действия, какой-то скрытой причины. Все происходило и происходит в связи с нынешним нездешним положением, все — наглядная иллюстрация, безжизненная и искусно выполненная личной волей. Воронка вобрала в себя саму себя и вот все бесшумно захлопнулось само в себе, смысл всосал смысл, картинки сплюсцились и исчезли, жизнь расплылась ветхой страницей, растворились все и все и он оказался в полном белом мраке, в ослепляющей все его существо темноте. Все исчезло и только по поверхности чего-то неразличимого ползали, шурша и трепеща, фиолетовые ночные мотыльки.

© Кельт © 1994

1

Да, это совершенно очевидно — речь определяет сознание. Более того, само сознание — всего лишь речь и ничего кроме речи. Я своими силами пришел к такому парадоксальному, на первый взгляд, выводу.

Начало моей истории банально. Меня выгнали с работы. В знак протеста я перестал мыться. Ну, и далее в таком же духе.

2

Когда со мной случился первый психоз, я потерял сознание. Помню только, как успел добежать в прихожую. Мое пальто висело на вешалке. Потом — полная темнота и беспамятство.

С женщинами у меня уже гораздо меньше проблем, чем в годы юности. Теперь все по-другому. Безразличие отнимает у угасающего желанья последние крупницы надежды. Организм выбрал новую тактику. Чаще всего у меня не стоит, но если уж вдруг встанет — тогда, дорогая, держись! Однако, когда у меня нормальная эрекция, я никак не могу кончить. Чтобы завершить начатое, иногда требуется час. При этом, вероятно, я выгляжу полным альтруистом. А если я все же так и не достигаю оргазма, то и являюсь, против воли, истинным альтруистом. Конечно, это какая-то форма сексуального расстройства, связанная с возрастом или с моей расшатанной психикой, но я отношусь к этому совершенно спокойно и лечиться не собираюсь. Меня такая ситуация устраивает. Помню свое пальто на вешалке. Желание во мне почти угасло, да и грех отцовства мне теперь не грозит. Чувствую себя (а пальто так и висит) вполне уютно. По поводу любви не строю ника-

ких иллюзий, сердце мое больше не будет терзаться, слепо откликаясь на позывы темной похоти. Вешалка, там висело мое пальто, я же отчетливо помню, пальто, пальто.

3

В глазах Эллы я был героем. Редкий, но чудовищно продолжительный коитус доводил ее до умопомрачения. Она даже не чувствовала, что я не эякулирую. Зачем я продолжаю залазить на поверженных щедрых дам? В этом есть О господи! Пальто! Мое пальто на вешалке!!! Ох В этом есть что-то механическое, что-то инертное. А пальто висит. В женщинах я видел мое пальто. Там, в прихожей оно висит и висит. Висит на этой вешалке. Ничего не возможно сделать. Пальто.

4

Бессмысленность моих последних поступков столь же таинственна, как и мое стремление найти в акте онанизма те спонтанные индифферентные образы, которые позже ложатся в основу разумных заключений, облаченных в форму определенно-направленного мышления. Но это мышление проистекает из резервов речи и прогрессирует только вместе с речью. Как коллективное Я больше не в силах. Вешалка! Пальто! Снег! Пальто! Вешалка — Прихожая — Пальто — Снег — Вешалка! О, Пальто еще висит! Я долго изучал собственное мышление, уже хорошо зная свою речь, а пальто осталось там. Снег, снег, снег, пальто, снег, вешалка. Вешалка и пальто! Да, я зарезал Эллу кухонным ножом, прямо в постели!!! Да, я спустил в унитаз ее синтетические белые трусики, которыми вытирал нож!!! Я помню ее волосы, разметанные по моей подушке!!! Я помню пальто в прихожей на вешалке!!! Пальто! Мое! В! На! Вешалке! Снег! Прихожей! Снег!

5

Не смог повеситься. Снег за окном. Пальто даже сейчас висит в прихожей на вешалке. Я беспомощен и слаб. Я

6

Да, я заметил, что все мои ощущения притупляются и меркнут. Пальто висит. Снег лежит где-то, лежит. Пальто у меня и на вешалке. И еще я помню Снег. Помню снег. Пальто А, вот пальто, там, на вешалке. Да-да. Там, оно в прихожей. Да, оно в прихожей. Да. Оно там. Да, снег, да. Я помню, да, отчетливо снег. Пальто? Да, конечно. Оно висит там. Да, там. А я полностью зависю от себя. Несвобода и снег, пальто, я помню, да-да, оно на вешалке, оно там висит. Да, именно там. Снег Мышление ограничено речевыми Снег, снег висит. Да-да Женщины, я помню, да, и пальто. На вешалке, да!!! Да! Да Снег и помню все Да, это там. Оно там. Да, оно там висит. Я мог бы вам его показать, уверен, что мог бы, оно в прихожей, я помню совершенно точно снег вешалка и помню да-да, да, снег пальто да, это мое. Оно висит. Пальто? Да, это оно Да..

ОСТАТКИ

Ес Уиса, 39 лет. Убеденный морфинист, перенесший пять серьезных нервных потрясений, в последние годы существующий за счет торговли колесами, обладатель испорченной печени. Умер от чумы.

Джезус Илстирон. Происхождение неизвестно, последнее место жительства перед смертью также неизвестно. Имел крупное состояние, что позволяло ему постоянно переезжать из страны в стра-

ну. Когда в стране начинался экономический кризис, он перебирался в государство с более стабильной экономикой. Одна из статей его дохода — торговля живописью и предметами искусства. Собственник пяти галерей современного искусства. Умер от чумы.

Асалия Блонк, 47 лет. Участница Сопротивления, заведующая отделом информации в крупном издательстве. Активная феминистка и организатор международного движения за права детей. Скончалась в психиатрической клинике во время эпидемии чумы.

Виктор С., 6 лет. Умер от чумы.

Сеарис О'Хейнаг, 19 лет. Четыре года находился в исправительной колонии, затем поступил на должность водителя в частной фирме. Имеет внебрачного ребенка двух лет. Периодически торговал марихуаной и психостимуляторами. За два дня до смерти убил своего отца. Умер от чумы.

С. Валенштейц, 27 лет. Студентка. Увлекалась парашютным спортом. Перенесла ампутацию обеих ног и правого предплечья. Скончалась от чумы.

Теофил Тайо, 35 лет. Профессор, практикующий психиатр. Сделал ряд открытий в области деменционных психозов. Возглавлял собственную клинику. Умер от чумы.

Исаак Шермер. Умер от чумы. Подозрение на раннюю стадию рака мозга.

Игорь Селиватов, 50 лет. Работник «Зеленстрой». Вывел в домашних условиях новый сорт чайной розы. Умер на даче во время чумы.

Элса Горохов, 33 года. Охотник, резчик по кости, дереву, камню. Участвовал в шести выставках. Награжден почетными дипломами. Умер от чумы.

Нелли Аксанова, 30 лет. Педагог, автор методических пособий по работе с трудными подростками. Три раза была замужем, разведена. Лечилась от бесплодия. Умерла от чумы.

К. Назаров, 38 лет. Два раза болел гонореей в тяжелой форме. После автомобильной катастрофы был прикован к постели. Умер от чумы.

Сергей Божков, 1 год 4 месяца 20 дней. Родился с дефектом мочки левого уха. Умер от чумы.

Николас Саймон, 45 лет. Врач-эпидемиолог, автор докторской диссертации по бактериологии. Умер от чумы.

Ли Неон, 77 лет. Выдающийся писатель, литературовед, критик, эссеист, удостоен многих международных премий, автор пяти поэтических сборников, семнадцати переводов английской классической поэзии. В последние годы писал пьесы, сценарии, опубликовал роман «Описания бессмысленности». Умер от чумы.

Клаус Зайне, 40 лет. Профессиональный убийца. Осужден на пожизненное заключение. Умер в тюрьме от чумы.

Тамара Хаилова, 21 год. Подающая надежды теннисистка. Первая ракетка школы, колледжа. Умерла во время чумы.

С.Т. Георгиан, 60 лет. Священник. Активно выступал по радио. Умер от чумы.

Пин Оллоейнер, 23 года. Без определенных занятий. Играл с уличными музыкантами. Участвовал в акциях «Гринпис». Анархист, вегетарианец, агностик скептического склада. Умер от чумы.

Свен Сато, 28 лет. Музыковед, журналист. Повесился во время эпидемии чумы.

Лула Сато, 2 года. Умерла от чумы, едва научившись ходить.

Сомеи Кендзо, 12 лет. Начинающий художник. Умер от чумы.

Мона Феллели, 26 лет. Танцовщица. Имела приступы эпилепсии. Умерла от чумы в салоне самолета.

Т. Еухениос, 22 года. Мыслитель. Умер от чумы.

Дино Ларио де Сагада, 37 лет. Исполнитель в церковном хоре. Глубоко верующий, доброжелательный, ненавязчивый. Умер от чумы.

Т. Еухениос, 53 года. Шаман, последний в роду. Потерял глаз и левую руку во время драки. Умер от чумы.

1996 г.

ЩЕДРОЕ СЕРДЦЕ

Вера, зачем ты умерла? Мне плохо, я не могу жить. Все бессмысленно, все нелепо и страшно. Все смешно. Горечь — вот единственное, что я могу теперь чувствовать. У меня не осталось даже воспоминаний. У меня не осталось ничего. Если бы не эта бесконечная Тоска, я не ощущал бы — есть я или нет. Зачем, зачем ты умерла? Зачем я продолжаю терзаться, ведь все пусто, ничемно, бессвязно. ВСЕ БЕССМЫСЛЕННО. Как мне плохо, как мне плохо, как мне плохо, как мне тяжело и мутно, как мне плохо, как мне плохо, как мне плохо. Я ничего не понимаю, я уже ничего не знаю, кроме этой выжигающей Тоски. Где же мой страх, где усталость или боль? Ничего, кроме горькой тоски. Все замутнено, все потеряло значение. И даже то, что мне невыносимо плохо, тоже бессмысленно. Все. Все. Все. Все. На этом все. Все. Все. Все. Все. Все. Все. Все!!!!!!

Мне нечего вспомнить о тебе. Теперь я вижу — тебя нет, тебя не было, тебя не будет. Есть ты или нет — безразлично. Все безразлично. Ничего нет. Всего нет. Есть только то, чего нет. Я здесь не могу. Все. Я не могу здесь. Здесь не могу я. Не могу здесь, не могу. Я здесь ничего не могу. Больше не могу. Зачем все? Никакой жизни, никакой смерти,

никакого чувства, никакой памяти, никакого смысла, никакой цели, ничего, совсем ничего.

Мне худо.

Это так далеко, я даже не могу уйти и умереть. Я слишком далеко от этого. От всего. Как пусто и тяжело Пусто и тяжело, пусто и тяжело. Во мне пусто!!! Мне тяжело! Мне худо! Мне плохо! Мне пусто! Мне холодно! Мне невозможно! Мне далеко! Мне бессмысленно! Мне пусто! Мне пусто! Мне все! Вера, ты умерла? Ты умерла? А я? А ты? Кто это? Кто умер? Кто это Вера? Кто это я? Кому это плохо? Кому пусто и холодно? Это мне тяжело и невозможно!!! Это я не могу жить. Это мне все.

1996 г.

Дмитрий Криворучко

МЕРТВЫЙ МОРОЗ

Хо! Жизнь продолжалась как никогда. Время текло тугой струей, обильно смачивая сухую почву действий. И только резиновые уточки помнят нас в полном объеме. Только они догадываются о нашем истинном величии. Но они молчат об этом. И мы молчим об этом. Нам просто пофиг. Мы просто откаблучиваем свои метафизические коленца в развеселой пляске двуногих вокруг костра из костей.

Наших костей! Родных! Истеричных! И затылок, проломленный внезапной, как прорвавшаяся канализация, мясорубкой. Кто спасет их?

Ты!!!!!!!!!!!!!!!!!!!! Отважный зверек, преодолевающий стихию!

Таракан в стакане с чаем. И теплый, и противный, и мягкий, и еще мертвый. Тебя целуют незрячими губами. Тебя втягивают внутрь. Тебя ласково ворочают языком. А потом, как бы в шутку, выплевывают вместе со стихией. И ты летишь в ней, она искрится на солнце, как 20 копеек. А ты — психоделическая изюминка в куличе жизни. Тебя осматривают и убедятся, что ты мертв.

И ОБЛЕГЧЕННО ВЗДОХНУТ. Ты нужен им таким. Мертвым. Бессмысленным. Оп! И все разом погасло. Это я наступил на Солнце. Оно противно пшикнуло под мо-

ей босой ногой и расколось на 15 частей. Вести летят в разные миры.

Луна — это сыр. Великий манящий сыр нашей мечты. Он тихо покрывается зеленой слизью под мелодичный шум наших споров. Ну вот, дружок, ты все еще боишься? Все еще

* * *

Изящен лес в хорошую погоду. Надрывные стуки дятлов, упоительные вопли глухарей и синиц, задумчивые звукоизлияния выпи — что может быть кайфовой? Разве что только пустынная улица с грязной лужей, разбитыми окнами и запахом чего-то чрезвычайно неприятного. Ибо только там можно быть стопроцентно уверенным, что ты один, и никто не спугнет неторопливый ход мыслей. Они будут тихо течь, вымывая из мозга страхи и предрассудки. И наполняя его новыми идеями, еще более бредовыми, чем были раньше. Там никто не говорит о престиже, здравом смысле, приличии, нормах поведения и прочей жизни. Это свобода. Свобода

Как-то очень грустно зазвонил в то утро будильник, скорее всего, ему уже порядком надоело звонить и отсчитывать время. Но ничего другого он не умел тоскливо ему было — ЯСНО? За секунду до своего звонка он подумал: «Бросить все на &%%, свалиться со стола и заткнуться навечно». Но посмотрев, сколько ему лететь до пола, обломался, вдруг во время полета он передумает? Ведь запрыгнуть обратно он уже не сможет. Пришлось звонить. То же ведь странное дело: человек за мгновение до звонка просыпался и ждал, что сейчас раздастся звон. А будильник как-то чувствовал это и пытался оттянуть

цель своей жизни — звон. Потом, когда будильник замолкал до следующего раза, человек лежал и думал: «Зачем он, собственно, проснулся?». Но минут через несколько вспоминал, что в этом мире такой обычай — просыпаться после сна. Посмеявшись в душе над диким обычаем, он открывал глаза и готовился к неизбежному — боли. Он знал, что если дать глазам намного привыкнуть, включенный потом свет уже не будет таким жестким. Но было в этой боли от включенного света что-то от шаманства или, скорее, самобичивания. «Вот тебе, падла, за все хорошее». И боль. Очень плохо, но после чрезвычайно хорошо. Сладостное ощущение передовика-священника, посрамившего дьявола путем отрезания себе головы

РОМАН.

Главный герой задумчиво смотрел на ночное небо, покрытое бесчисленным количеством звезд. Все было тихо, дул легкий весенний ветерок. От долгого и бессмысленного смотрения на одну точку шея затекла. Главный герой опустил голову и некоторое время смотрел на свои ноги, обутые в зеленые тапочки, растирая шею обеими руками. Когда он снова поднял взгляд на небо, то увидел, что отовсюду на землю опускались белые точки. «Снег Значит, опять скоро будет зима», — подумал главный герой. «Ни хрена!» — гордо ответило его подсознание. И оно было право.

На ночной город, прямо со звездного неба, под белыми куполами парашютов опускались ослепительно белые унитазы.

К ВОПРОСУ О ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНО- СТИ: ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ОТ- КРЫВАНИЯ РТА В СПЯЩЕМ (ЛИБО СОМНАМБУЛИЧЕС- КОМ) СОСТОЯНИИ

С открыванием рта во сне надо бороться хотя бы потому, что это явление бессознательной жизни организма может нанести существенный вред здоровью человека.

Когда рот открыт, то происходит высыхание слизистых и прочих оболочек ротовой полости за счет обтекания их циркулирующим в пространстве воздухом. Это иссушение приводит к непроизвольному повышенному слюноотделению и появляется серьезная опасность распрощаться с жизнью. Так как накапливаемая влага имеет свойство (под действием силы, именуемой силой тяжести, а равно и любой другой силы со схожими свойствами) устремляться во все дырочки, щелочки и отверстия рта. Этих путей устремления влаги не так уж много: хорошо еще, если по причине лежания на правом или левом боку слюна истечет на щеку и подушку. Но в последнее время многие врачи настоятельно рекомендуют спать именно на спине или, в крайнем случае, на животе и груди, мотивируя свои чрезвычайно сомнительные рекомендации «придавливанием жизненных органов». Так-то оно так, но если процесс истечения произойдет во время сна на спине, то вся влага, созданная организмом из своих резервов дабы остановить обезвоживание, устремится в горло, а оттуда, как многим уже известно, дороги две: легкие и желудок. И тут уж оста-

ется только уповать на везение. Человечек или захлебнется, или преждевременно заработает язву (так как будет происходить интенсивная выработка желудочного сока). В случае же лежания спящего на груди и животе слюна будет вытекать на подушку (так же, как и в случаях сна на боках) и, кроме эстетического ущерба (к утру вы весь в ней измажетесь, жидкость может привлечь ночных и дневных насекомых), ваш организм опять же рискует захлебнуться — так как будет происходить непроизвольные, то есть ничем буквально не контролируемые в спящем состоянии, выдохи в образовавшуюся подо ртом и носом лужицу. Лужица будет пузыриться и постепенно заполнять влагой носовой проход. И если вы не задохнетесь от закупорки носа, то вполне рискуете, проснувшись утром, непроизвольно, или же просто от нахлынувшей внезапно радости, потянуться и сделать глубокий вдох носом. Вся скопившаяся влага потечет по направлению к легким и последствия могут быть весьма и весьма плачевные.

ИЛИ ЖИЗНЬ И НЕВЕРОЯТНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

---

*Но тот кто себя до сих пор не убил
Вынуждает меня пожирать свою смерть
...И брезгливое небо...*

«Теплая Трасса»

В начале было слово. Жуткое, матерное и сверхчичичное.

Тишина. И вдруг раздался столь ожидаемый тихий щелчек. И знаменосец по-

шатнулся. Его руки все еще крепко сжимали багрово-алое знамя, но было ясно, что падение знамени в подлошадную грязь — дело времени. Маршал Гудариан даже не стал ждать этого момента.

Если ждать всего того, что является делом времени, то надо жить вечно. А маршал не обладал таким здоровьем. Посему надо было торопиться. Он убрал пистолет, предварительно вытерев с него маленькие капельки крови, приравненный к голове знаменосца, и задумался. В сущности, он ничего не имел против этого светловолосого и голубоглазого здоровяка, который просыпался каждое утро с чувством исполненного гражданского долга и свербящего патриотизма. Только вот теперь это парень лежит под копытами своей лошади и тискает знамя последней судорогой. А он, орденосный символ победы, а также убийца, сидит и в ус не дует. Маршал легонько сжал бока лошади черными кожаными сапогами и тихонько поехал в лес. С этими сапогами связана одна история. История одного мира со всеми революциями, спиралевидными развитиями и диалектиками. Но маршал не любил вспоминать эту историю. Она связана с потерей личности. С полной заменой. Ну и хрен с ней. Кругом росли деревья, плотно сплетенные друг с другом вкрадчивыми ветвями. Цветки папоротника прижимались к цветам шиповника, низко стелющегося по земле, и нюхали их, нюхали. Гудариан преодически наклонял голову чтобы избежать удара веточкой по лицу, но ветки как бы предугадывали его движения и всегда оказывались в нужном месте. Пролетела толстая радостная пчела, громко жужжа. Маршал выпрямился в седле и, обхватив руками шею, потянулся. Скрипнули суставы, стало тревожно. Напряженно.

Все было хорошо и безбрежно добро. Лошадь тихонько посапывала под седоком. Маршал тихонько наклонился и высморкался в густую гриву. В тот же миг крикнул ворон и началась новая эра.

Вдали показался слабый огонек человеческого присутствия. Завидев его, отощавшая лошадь воспрянула духом и повезла своего раненого господина с радостью и надеждой. Там действительно были люди. Они испугались, когда в их маленький поселок вплелась больная, качающаяся под седоком кляча. Лошадь остановилась напротив сельсовета и, вздыбишись, сбросила седло с сидящим на нем человеком. Он упал как мешок, как осколок неба, как последняя надежда. И завидев это, люди громко засмеялись и, украсив лошадь цветами и лентами, увели ее в золоченое стойло. По дороге они перешептывались и многозначительно делали жесты руками.

— Стоп. Я сказал стоп!! Все не так!

Прохрипел всадник, пузыря слюной дорожную пыль.

Люди не обернулись. Они ушли.

— Мудаки. Они думают, что если лошадь сбросила Бога — она стала выше Бога.

Он с трудом приподнял себя в последовательности: голова, грудь, руки. Отряхнулся и, поправив багровую перевязь, плюнул кровью на мокрый асфальт. Зашипел асфальт, закипел и, поднявшись грозovým облаком, обратился флагом. Гудариан взял его левой рукой, так как в правой уже держал плеть, и, твердо ступая, направился к старосте. По дороге ему попадались глупые и безнадежно больные люди. Глупых маршал сторонился, а больных убивал. Дом старосты нельзя было перепутать ни с каким иным домом. Он был высок, светел и походил на дзот. У двери маршал остановился и, целуя порог, прошептал:

— Я верну тебе все.

Распахнул дверь резким ударом ноги и встал в пролете. Закрывающаяся дверь ласково прислонилась к его плечу и он погладил ее рукой. И прошел во внутрь.

За столом сидел седовласый мужчина. Он тупо смотрел на вошедшего и пребирал четки. Гударин сел на пол, скрестив ноги и подняв голову к потолку, спросил:

— Как ты ко мне относишься?

— Ну как Боготворю Поклоняюсь.

А что еще делать-то

— Встать! Я сказал встать! ВСТАТЬ! И вон! Вон!

Ничего не ладилось. В небе летали пылающие птицы, а маршал преследовал муху. Птицы сжигали кислород и люди катастрофически вымирали. Муха штамповала картинки вен на облаках, улетая на дикие небеса. Маршал следовал за ней. Он сильно сдал за последнее время. Но все помнил. Он сидел в раю и плевал в лицо Бога. Он бил его за то, что тот создал людей равными себе, но поместил в плохие условия. Он поместил людей в святое место. Этот идиотский Бог. В раю было легко умирать. Розово — говнисто. Мертв — жив. Кругляк сплавлялся по небесным рекам на Землю. И тут из него делали ложки, спички и зубочистки. Муха гнила в полете и псы мчались, задрыв носы, по зловонному следу. Неземные красоты сливались с кучами грязи за окном поезда. Стекло битое режет ноги и спину. Ракеты приведены в готовность. Но их цель не муха, их цель жизнь. Конкретность им не присуща.

Муха утонула-таки в унитазе. И сразу стало как-то очень грустно. Всегда грустно, если кто-то утонул. Даже не обязательно утонул, просто умер. А муха это или кто-то другой — не так важно. Главное, что грустнее от смены умершего не становится. Даже обидно. Хотя

и справедливо. Маршал вытер руки о полотенце, небрежно перекинутое через плечо, и посмотрел на небо. На небе сидело я. Маршал отвернулся и уплыл от нас.

Когда идет снег, я закрываю дверь. Чтобы несчастные путники не забрели ненароком в мой дом. Ведь с ними надо о чем-то говорить, их надо угощать, им надо нравиться. Я не хочу. К тому же под диваном у меня живет Бог. Он ползает тараканом и ходит по квартире в облиии крысы. Он чернокож и златовлас. Он поет грустные песни и вспоминет о своих творениях.

Ткань чалмы была уже расстелена на полу. Через несколько минут очередная жертва будет завернута и закопана в грязную землю. А по всей комнате разбросаны мокрые тряпочки. Капельки теплой воды на животе играют радугой. Радостный калейдоскоп жизни. Кабельные мечты и страдания. Антресольные земли открывают нам своих королей. Корни мрамора в пустом небе. Двадцатимиллиметровый паркет служит столет. А потом? Потом он вскрыл вены и все стало прозрачным. Сквозь летящих птиц он увидел небо. Трава пачкала душу. Совесть душа память Подло было сделан этот мир. Правда, отраженная в знаках. Охота на поезд Яма для поимки отражений. Бессмысленная скважность человека. Бесчеловечный смысл жизни. Человек, заранее убивший солнце, помнит цвет наших глаз.

Все возможно до бесконечности. И до невзрачности.

— ВСТАТЬ!!!!!! ВСТАТЬ!!!!!!

Над рекой склонилось дерево. Человечек стоит ногами на воде, задрыв голову к небу. Его шею и и дерево соединяет веревка. Мундир маршала танковиков войск сослужит еще свою роковую роль.

Очей очарование хрипит на снегу

гр. «Теплая трасса»

*Задуши послушными руками
Своего непослушного Христа*

Е. Летов

*Как месяц над твердью
Последний цвет вербы*

Р. Неумов

Глава первая

Я спал. Мне снилась Останкинская башня, окруженная багровыми облаками с белыми, как в сале, прожилками. Она нависала надо мной и вибрировала. А я лежал на асфальте и смотрел на нее. Такую вызывающе серую в багровых облаках. Я лежал на асфальте и судорожно втягивал в себя его мокрый запах. Я тоже вибрировал. А башня была как будто живая. Я чувствовал это, но ничего не мог поделать. Мне было неприятно осознавать, что я лежу, беззаботно глядя на нее. Наверное, я ее раздражал. А еще позади нее что-то светилось, как сильная лампочка, или как Бог. Я сделал круговое движение руками, и почему-то подумал, что она должна понять, что я извиняюсь. Что мне, право, неловко лежать на черном асфальте в ее присутствии. А башня сказала: — Так.

Я понял, что все потеряно, и сделал круговое движение руками, как бы соглашаясь со своей судьбой. После чего меня разбудили. И еще, во сне не было ни одной птицы. Разбудили меня тихим уведомлением о том, что наступило утро. Я буркнул ответ, который отвечал каждый день. Открыл глаза и почувствовал, что у меня одна нога. Закусив нижнюю губу и внимательно изучая внут-

ренюю поверность век, я принялся думать, какая нога у меня осталась. Правая или левая. Может быть, вообще это не моя нога. Но думать об этом было больно. Как и вообще думать, не обязательно об этом. Я рывком сбросил ноги с кровати, символизировав тем самым свое намерение встать. Откинул одеяло и встал. Задвигал ногами по паркету в поисках тапок. Нашел один, и, даже не задумываясь, надел его на правую ногу. Меня самого удивляло всегда, как я каждое утро, еще не окончательно пришедши в себя, умудрялся определять уклон тапка. Потом нашелся и другой. Его я одел на оставшуюся ногу. И, грустно покачиваясь, побрел в ванную. Там я встал перед зеркалом и ссутулился на раковину. Лицо мое в зеркале было грустно-растрепанное. А правый глаз имел ярко-красный цвет. «Ну вот, — подумал я, — ноги нет, глаз красный. Теперь самое время усомниться в соответствии своему описанию. То есть я изменился. То есть это уже не я». А потом я задумался, набрав в рот воды. Только вот совершенно не знаю, о чем задумался. Так, в общем. Много я чего там делал. Выйдя в коридор, я понял, что остальные люди потеряли для меня всякий смысл. Они, конечно, есть, не спорю, но я их просто не вижу. Поэтому сразу стали происходить странные вещи: холодильник открывался сам собой, вещи самопроизвольно перемещались, и кто-то толкал меня из пустоты. Чай был противный. Горький, с запахом мокрых тряпок, мутный, с плавающим в нем дохлым лимоном и двумя чайниками. Но я его выпил двумя глотками. Собрал вещи и покинул дом. На улице было морозно, так как зима. А у меня не было перчаток. Вернее сказать, они были, но дома. Я вернулся было, чтобы пойти вернуться. Но подскользнулся и упал. Сначала я ударился спиной, потом ногами и уже в самую последнюю

Stasys Eidrigevicius. «Polish Bethlehem» (L. Rydla)

очередь головой. Ударившись ею, я понял, что умер. Так как звук хрустнувшего основания черепа был очень хорошо слышен. Я лежал на спине, и чувствовал, как из меня выходит жизнь. Сначала меня покинула совесть, потом: ум, привычки, эмоции, чувства, мысли и жизнь. Я поднял свои тупые безразличные глаза на показавшаеся мне черным Солнце. Оно вяло улыбалось, глядя на мое распростертое тело. «Прям как Она» — подумал я и плюнул в него. Солнце, очевидно, уже привыкшее к моим выходкам, стерпело. Только стало немного более горячим. А я встал, стряхнул с куртки смесь снега, соли и песка, и, криво усмехнувшись, побрел к метро. Руки же, дабы не мерзли, я плотно засунул в карманы. Где они увлеченно начали ощупывать деньги, проездные билеты и прочий хлам. С деревьев и столбов, кривя вспухшие лица, мне улыбались вороны. Но я не обращал на них внимания, нет, они были безразличны моему организму. Пускай. А я пойду. Де-

ла. А еще можно набрать в рот воды и подключить к мочкам ушей клеммы. И тихонько гладить рубильник блудливыми руками. Кто-нибудь хлопнет дверью — и нажмешь ненароком, испугаешься. Так я научился не бояться хлопанья чем-либо. У метро было людно, они все ходили как-то одновременно. Это было пугающе непостижимо. Непостижимо и пугающе. Совершали движения снаружи и внутри. Они не давали мне пройти, и я был вынужден изгибаться всем телом чтобы не столкнуться с их кожаными куртками. Под ногами у меня хлюпала слизь весны. 36 ступенек — и я у стеклянной двери. Она — подруга ветра. Он размахивает ею из стороны в сторону. От меня — ко мне. И так много раз. Она не подруга. Она — его рука. От меня — ко мне. Проскользнул, однако. Мраморный пол — извращенная необходимость долговечия. Я давлю его своими ботинками так же, как это делают все. Я оставляю след в истории. Нас всех потом можно будет вспомнить, рассматривая эти плиты. Приехал поезд и я со своими любимыми согражданами быстро занимаю всевозможные места. Двери тихонько сближаются. Я плачу, глядя на это извечное стремление быть вместе. Пионер приостанавливает их ногой, и тут же получает нож в спину. Его взгляд не выражает ничего, кроме тупого зеркала, в котором отражаются засахаренные ломтики Солнца. Зеркала. Закрывшиеся двери. В них отражается голова пионера, пускающего слюну на нимб, висящий у него на шее. Бесконечная череда открываний и закрываний раздражает мои больные глаза до состояния плача. В переходах много людей в кожаных куртках. Из искусственных кож. Они выращивают искусственных зверей, а затем убивают, дабы изготовить себе пугающие покровы. Я выхожу из метро. Дождь. Слякотно. Просто все уже было. У красного кирпичного дома, засло-

няя собой надпись «ОН?», сделанную желтой краской, стоит человек. Подхожу, здороваюсь. Таков ритуал. Потом падаю на левый бок и глядя в небо шепчу: — Жень, ты извини. Но у меня нет ноги. Вводил «Пепси» внутривенно.

Плакать я не стал. Просто все надоело. Встал и, пристально глядя Женьке в глаза, ударился головой об угол. Потерял сознание. Уходя в другой мир, я услышал: — Так.

Глава вторая

Многие воспевали любовь к женщине. Многие воспевали любовь к Родине. Многие воспевали любовь к прекрасному. Многие, и таких было большинство, воспевали любовь к неподходящим для этого объектам, чем изрядно шокировали публику. Но никто еще не воспевал любовь к Кортасару, — размышлял Александр, остервенело мочась на кирпичные, покрытые желтой краской останки стены. Краска сильно облупилась и свисала рваными хлопьями, как бы показывая своим видом, что не желает иметь с кирпичем ничего общего. Застегнув штаны, Александр лениво осмотрелся вокруг: было какое-то странное время года, не такое готическое, как зима, но все же слишком напряженное и выжидающее. Ездили разноцветные машины, и возвращаться на работу совсем не хотелось. — Работа, опять спускаться в грязный туннель, носящий гордое имя «Городской транспорт». И до вечера сидеть около чуда техники — эскалатора, наблюдая, как всеразличные дауны и идиоты пытаются понять его и совладать с ним. И знать, что только ты, легким движением руки, можешь остановить движение, и с усмешкой смотреть, как злые твои сограждане, ругаясь и плюясь, идут по внезапно умер-

шему чуду. Понимать, что ты, в некотором роде, Бог. Локального масштаба. Только вот скучно тебе, боженьке, работать лениво, да и просто все надоело. И вот стоишь ты, ответственный за вознесения и спуски простых смертных, так сказать идол, и усугубляешь разрушение останков здания. А что, если оно памятник? Хотя на хрен кому нужны такие памятники. За такие памятники надо сжигать как минимум! Мысли летали в чистовымытой голове как птицы: широко разбрасывая крылья, громко крича и гадя на землю и ее поселенцев. — И какой только идиот придумал взорвать в станционном туалете бочку мазута. Ну какой, это понятно, даже не какой, а какие — «Нагорные», скорее всего. Все им, сукам, неймется. И ведь тонкий расчет: туалет закрыт, надо бежать до универмага, а там-то они нас по одиночке и перестреляют. Но Дежурный тоже не дурак, быстро смекнул, что к чему. В развалинах завсегда укрыться можно. А сторожа ихние, развалинские, завсегда нашему брату помочь готовы. За соответствующую плату, разумеется. Александр попытался вспомнить, зачем же он думал о Кортасаре. Но ничего дельного в голову не шло. Слабо вспоминалось, что Кортасар — это писатель, а вот дальше вспоминают, увы, не получалось. Раздосадованный этим, он в сердцах пнул трухлявую кладку. Которая, повинувшись тяжелому ботинку, накренилась, вспухла и рассыпалась грязной кучкой. Из-под кучки, нагло пробираваясь сквозь красновато-желтые кусочки, выглядывал своей белой частью непонятный предмет.

— Все. Допрыгался. Мина, — сверкнуло в уме Александра и он крепко зажмурил глаза, суеверно боясь увидеть смерть. Зажмурил — и не увидел. Так как смерти не было. Была только липкая, упавшая, как подбитая птица, тишина. Стоя с закрытыми глазами, Алек-

сандр внимательно вслушивался в нее, и ему даже показалось, что он слышит, как протекают химические реакции в мине. Слышал, что она смотрит на него снизу своим белым глазом и как бы ухмыляется выжидающе. Но потом рациональное в его голове взяло вверх и подумалось, что чему быть, тому не миновать. И вообще, надо еще посмотреть, мина ли это или просто хлам убитых ополченцев. Он медленно открыл глаза и прислушался к результату — было тихо. Тогда он опустился на корточки и плавными круговыми движениями рук принялся разгребать кирпичную крошку. Глаза же его в это время смотрели прямо перед собой, пытаясь заранее увидеть идущую старушку с косой (или кто там еще) и, передав сигнал рукам, защитить себя во всеоружии. Кирпич разгребался плохо. Но все же дело плавно продвигалось вперед. Пальцы уже все чаще касались гладкой, кажется даже отполированной поверхности и, словно испугавшись чего-то, рывком слетали с нее, продолжая свои методичные движения. В горле у Александра пересохло и запершило от пыли, но он не придумал этому значения. А руки все разгребали. От долгого смотрения в одну точку — прямо перед собой, глаза стали слезиться, как от горячего песка. А руки продолжали свою работу. Где-то не очень далеко раздался детский смех, как издевка над возможной смертью, как многоточие. Под ногти набилось много крупинок кирпича, и поэтому надавливать пальцами для того, чтобы больше сгрести, было не очень приятно. Рот неожиданно наполнился слюной и, проглотив ее, Александр понял, насколько далеко он зашел в своих действиях. Под однообразные движения рук он вдруг понял, что ему совершенно не интересно, что лежит под этой кучей прошлого. На хрен такое любопытство. И никогда не было интересно, но что-то застави-

ло его разгребать. Какая-то сила или мысль, которая хочет своей погибели. Ладони два раза прошлись по гладкой поверхности, сметая последние крошки, и остановились. Сметать уже было нечего. Надо было предпринимать более решительные действия. Или встать, отряхнуть брюки, не оглядываясь уходя на ставшую уже родной станцию. Александр завел руки с двух сторон от невидимого предмета и, превозмогая боль, погрузил кисти рук в кирпичную крошку, плотно обхватил предмет руками и начал плавно поднимать вертикально вверх.

— Сейчас или увижу свою смерть, или потом буду в бункере рассказывать анекдоты. Или анекдоты будут рассказывать про меня, — произнес он в крошечной тишине внезапно севшим голосом. Перед глазами его предстал человеческий череп. Белый и как бы покрытой поверх золотой паутиной. Лицо Александра скривилось и он, облегченно вздохнув, сел на зад, уже не беспокоясь о своей безопасности. Он небрежно поворачивал череп в руках и мысленно ругал себя за непроходимую тупость, трусость и свой извечный даунизм. Судя по черепу, этот человек был один из десяти. И чрезвычайно странно, что его голова оказалась здесь, в кирпичной стене, на богом забытой стройке. Ведь 70% из десяти погибло в течении двух недель, а за остальными была установлена слежка. Следовательно, это место должно быть обведено на карте у мэра красным кружочком со всеми вытекающими отсюда часовыми, вышками и системами допусков.

— Блин! А я тут сижу!! И ничего не делаю, — возмутился собой Александр, вставая с зада и опускаясь на колени. Он отбросил череп в сторону и начал быстро разгребать ямку, в которой лежал череп. Десять — это не шутки! Их захоронения — это единственный шанс

за всю жизнь выйти вперед и разнести наконец всех врагов. Неизвестное властям захоронение — тем более. Он торопился и поэтому, когда порезал руку о неровно обломанный позвоночник, только выругался сквозь зубы и продолжил работу. Что может значить собственная смерть в сравнении с победой всей станции? Ничто! Жалкий жучок под гранитным постаментом. Выкопанные кости он раскидывал в разные стороны, не очень заботясь о следах своего пребывания и тем более о таких смешных вещах, как отпечатки пальцев. Судя по всему, труп в стене стоял в очень неудобной позе — присев на корточки и обхватив руками ноги под коленками. Выкопав руки, Александр увидел, что в правой руке зажата белая коробочка, а в левой находилась черная. Коробочки были деревянные и покрытые масляной краской. Внутри них было пусто, только слегка пахло затхлостью, когда их открыли. Пятками же усопший сжимал грязную тряпицу, в которую было что-то завернуто. Александр удовлетворенно кивнул и, бросив находки в рюкзак, осмотрелся. Вроде тихо. Немного подумав, он собрал все зубы, которые вывалились из черепа и большую часть времени провалились под ногами у хозяина, — сойдут на амулеты. Хотел он еще выпилить лобную кость, но передумал, так как это могло бы занять слишком много времени. А ему уже и так пора было уходить. Он рывком поднялся, хрустнули колени. Еще раз осмотрелся и, аккуратно ставя ноги, пошел к выходу со стройки. У запертых ворот, облокотясь на пулемет, читая газету, стоял сторож. Он еще издали заметил Александра, но глаз от газеты не отрывал, делал вид, что внимательно читает.

— Брат, открывай ворота, домой пойдешь! — с ленцой сказал Александр и остановился, выжидающе глядя на сторо-

жа. Сторож открывать не торопился. Он аккуратно сложил газету в четверо, разгладил и убрал в задний карман добела вытертых джинсов. Потом достал из кармана ветровки ключ и пристально посмотрел на Александра.

— Что-то долго ты там прохлаждался.. — задумчиво сказал сторож.

— Гхм. На то были непреклонные обстоятельства. О коих я не могу тебе рассказать. Так что не лезь в душу, а открывай ворота, — неприязненно ответил Александр.

— Странно это — пробурчал сторож, но ворота открыл.

Александр медленно высунул голову в образовавшуюся щель и осмотрелся. Вдали шел патруль, дымился школьный автобус, бродячие собаки сбивались в стаю — дурная примета. Потом он вышел и, не забывая оглядываться по сторонам, пошел в направлении станции. — Что-то сторожа стали слишком любопытны. Подозрительно это. А что, если это было своеобразное испытание на благонадежность. И сторож — не сторож, и кости — не кости. Блин, вернуться и убить его, что ли. От греха подальше. А если убью — народу понаедет видимо-невидимо, допытываться начнут. И тогда, осмотрев кости, точно на меня выйдут. Бригада-то, конечно, в обиду не даст, но ведь это правительство. Тут разборки гораздо крупнее. А ништяково было бы развернуть новую глобальную войну. Чтоб все против всех. Хорошо бы дождь пошел А то даже скучно как-то. — Дорогу ему перебежала жирная крыса. Перебежала и остановилась на противоположной стороне тротуара. Александр тоже остановился.

— Эх, ты, животное. Сволочь ты, а не организм! — сказал он крысе и свернул за угол дома. Напротив него стояло здание станции. Немного покосившееся и обшарпанное, но еще не потерявшее своего величия. Александр с любовью

посмотрел на облетевший кафель и вошел внутрь. У служебного входа его остановил часовой, и, предъявив документы, ответив на вопросы и предъявив отпечатки пальцев, Александр был пропущен внутрь. Он остановился у эскалатора и ласково погладил его рукой. За долгое время работы он уже как-то сроднился с этим безжалостным механизмом. У них было много общих тайн и секретов. Да и, пожалуй, это был его единственный друг. Эскалатор, в свою очередь, отвечал как мог своей механистичной и жесткой взаимностью. Александр положил руку на поручень и, спускаясь по мятым, но все равно тщательно вымытым, ступеням вниз, прошептал:

— Стареешь, старик И заменить тебя некому. Так и сдохнешь в один прекрасный день. Порвется в тебе чтонибудь или отломится, да так, что мастерская не починит, и будешь ты шепеляво крутить шестернями, ворочать ремнями, может даже дергаться — а пользы ноль. Типа жив — но умер. И тогда по тебе будут просто ходить, как по рядовой лестнице Интересно, ты будешь плакать, вспоминая былое?.. Эскалатор, как бы обидясь на напоминание о своей смертности, дернулся и Александр насилу успел перепрыгнуть гребенку. Соскочив, он громко рассмеялся и погрозил эскалатору пальцем. Потом сел в свою будочку и критически осматрел станцию. На станции не царило оживление. Было на удивление тихо. Даже как-то противно. Он сел в кожаное, много раз латаное, пахнущее бензином и порохом кресло и проверил, хорошо ли вращается пулемет. Шарнирный механизм был не очень чист и поэтому движения ствола справа налево сопровождалась тоненьким и скрученным свистом. Все вроде бы тихо, до открытия еще минут двадцать, можно тихо-мирно посидеть и, рассматривая лампы в междурядье эскалаторов через бронированное стекло, жевать бутерброд с сыром. А еще луч-

ше рассмотреть находки. Александр прикрыл дверь будки и вывалил содержимое рюкзака на столик перед собой. Вывалив, бросил рюкзак под ноги и задумчиво устался на возвышавшуюся между телефоном и старой немецкой каской (в прошлом месяце случайно наткнулся на запасник музея, и все, более-менее годное к применению, взяли, а остальное спалили от греха подальше, кучу всевозможных вещей). «Заодно и порядок в вещах наведу», — подумалось Александру. Из кучи он, разумеется, первым делом достал зубы и, осмотрев их внимательно, три штуки забраковал — они оказались покрыты тонкой зеленоватой сеточкой трещин. А остальное положил в карман рубашки напротив сердца, пусть до того, как он их обменяет (а обменяет он их как можно скорее), принесут и ему немного счастья. Потом отшел в сторону хлебные крошки, колбасные шкурки и кусочки бинта и взял в руки черную коробочку. «Если потереть что-то об эбонитовую палочку — появится отрицательный электрический заряд», — непонятно к чему вспомнились смутные школьные годы. У коробочки была плотно подогнанная крышка. Открыв которую стало ясно, что сокровищами, да и просто интересными вещами там и не пахнет. Пахнет там паутиной мелкокрупчатой пылью. Александр закрыл коробку и стал вертеть ее в руках, думая, под что ее можно приспособить. Разве что патроны складывать. Или мелкие монетки. Или всякие бумажки на добрую или злую память. Или складывать туда пуговицы, нитки и иголки — и тем самым заслужить славу «Хозяйственного человека». Или насрать туда, к чертям собачьим, и подкинуть кому-нибудь — пусть порадуется старик. Или Но мелодичный ход его мыслей был прерван воспоминанием о белой коробочке. Скорее всего, там тоже ничего не окажется, но вдруг Он открыл коробочку, и в ней действитель-

но ничего не оказалось. Александр закрыл коробку и стал вертеть ее в руках, думая, под что ее можно приспособить. Разве что бинты в ней хранить. Или мелкие монетки. Или засохшие корочки крови и прочей биологии, содранные со старых ран — на добрую или злую память. Или складывать туда ампулы, таблетки, порошки — и тем самым заслужить славу «Хозяйственного человека». Или подарить ее любимой девушке, пусть складывает туда свой житейский хлам и радуется. Или Александр слегка улыбнулся, и подумал, что теперь у него две коробочки. Но еще у него есть тряпица, в которую что-то завернуто. Он размотал ее, тихо ругаясь сыпящемуся из складок хламу. Когда он закончил разворачивать, то в одной руке держал тряпицу (в правой), а в другой руке держал плотную вязанку палочек (в левой). Тряпицу, как, по его разумению, предмет более не нужный, он положил на стол. А палочки стал рассматривать. Они были все как на подбор гладкие, ровные, однородноматериальные. И почему-то опять напомнили Александру черный электротворный материал эбонит. Хотя цвет они имели этакий сероватый. «Блин, ну что за идиотизм!» — размыслил он, и, не найдя за пять секунд напряженной умственной деятельности палочкам более-менее достойного применения, высыпал их в стакан с засохшим лизунцом сахара на дне, да с прилипшими чайниками по стенкам, да с буроватыми разводами, да с легка отколотым краешком, дассссссс. Высыпал, и посмотрел на эскалатор. Простой ведь, в сущности, механизм, а как здорово — самоедущая лестница. Все равно что самокатящаяся колесница. Божеественно-выспренно-сагаидально. Объявляет. На плечо Александра опустилась рука: пять пальцев, обкусанные грязные ногти, маленькие язвочки от плохой воды, запах мочи и одеколona, эдакая нагло-командирская пятерня.

Stasys Eidrigevicius. «The Suicide» (N. Erdman)

— Вернулся? — спросил сипловатый голос.

— Угу, Рудольф Францевич, куда жне деваться.

— А кто вас, молодых лоботрясов, знает. Вроде как облегчится вышел, а уж след простыл.

— Да нет. Таких уже не осталось.

— А что это у тебя за бардак на столе?

— Да так, решил немного порядком да.

— Да ведь вчера уже сахар давали. Вы же, Рудольф Францевич, мне как раз очередь заняли.

— Ох, прости, спутал. Яйца, яйца сегодня дают. Это меня от вчерашнего сахара переключило. Сахар белый, кусками — и яйца белые, крупные. Совсем слаб на голову стал. Пойти застрелиться, что ли

— Да что вы! И даже не думайте. Только вот сахар вчера песком был.

— Черт! И что ты привязался! Вчера — сегодня, сахар — яйца, песком — колотый! Не дашь стакан — так и скажи! А то развел тут диалектику! Это у нас причина, а это количество!

— Да вы меня неправильно поняли! Стакан, конечно, берите. Но только не люблю я, когда меня обманывают. Любознательный я — понятно!!!!!!???????????? — Визгливо проорав последнюю фразу, Александр высыпал палочки в карман куртки и бросил стакан в Рудольфа Францевича. Тот поймал стакан, потер пальцем стенку и, посмотрев на результат, сказал:

— А гигиеной личного имущества Вам бы заняться не помешало. А то ведь болезни всякие случаются от несоблюдения норм. Да и умереть в итоге можно.

— Да! Можно!

— И тем самым оказать неоценимую услугу противнику

— А вы им мой ядовитый труп подкинете — они его сожрут и враз околеют!

— Глупый ты, Васька, хоть и начитанный.

— На себя посмотри! Командир отряда — а одет как завхоз!

— Так то ж для маскировки, придурок!

— В бою маскироваться надо! А если бы я тебя за завхоза принял, и послал куда подальше?

— Я бы тогда тебя застрелил.

— Меня? Невинного в, сущности, человека?

— Ты командира должен узнавать по запаху, по цвету глаз, по температуре

тела, по дыханию, по издаваемым звукам.

— А иди ты!

— Через полчаса зайдешь ко мне.

— Зачем?

— Стакан заберешь.

— Ладно.

Рудольф Францевич усмехнулся и, хлопнув дребезднувшую стеклом дверь, ушел. Александр чихнул и сморщился. «Может, вещи собрать?..» — прошлась по извилинам расчетливая мысль. От чиха глаза скрылись за беспросветной пленкой слез и счастлив тот, кто не видел Александра в этот момент. То есть все. Вещи-то он, конечно, собрал. Но история, произошедшая с Рудольфом Францевичем, неприятная такая с итудация, н апряженная, даженеудобнокакто-получилось, камешком перекатывалась в его голове. Мелодичное скрежетание (а рано или поздно, при должном опыте и настрое головы, любое скрежетание покажется мелодичным) прокололо упругий шарик бледной тишины. После скрежетания было пятисекундное затишье, во время которого Александр успел почесать внезапно зазудевшую переносицу и опустить чesавшую внезапно зазудевшую переносицу руку обратно на колено, с которого она безвольно упала в направлении пола. Но не долетела до него, так как была неразрывно и неделимо связана со всем брeнным организмом Александра. Она повисла между стулом, стенами, полом и потолком, лениво дрожа пальцами и перекашивая тело. Плотно наполнила собой воздух. Вытеснила его в разные стороны.

— Внимание. Внимание. Внимание. Через двадцать минут придет первая группа. Внимание. Убедительная просьба всем быть подготовленными. Внимание. Обладающие допуском «Г» и имеющие номера кратные 4 — срочно явиться к столовой. «Допуск «А», кратный 4 А что я там забыл. А, вспомнил,

долг». Александр вскочил, застегнул куртку и, взяв автомат, побежал к столовой. Все уже обрыдло. Три поворота налево, восемь шагов вперед, у библиотеки свернуть и почти что у цели. Там уже стояло человек пять. Все как на подбор грозного вида, со взглядами потенциальных спасителей отечества. «Чем-то они неуловимо похожи на жирафов. Изыщные убийцы. Типа как травоядные. Смерть бушменов. И эти идиотские шеи». Пришел командир отряда. Осмотрел невеселое сборище. Плюнул на пол желтовато-серо-табачной слюной. Размазал плевков говнодавом. Осмотрел носок говнодава. Ничего подозрительно-го там не обнаружил. И начал: — Братя. Нам с вами выпала великая в некотором роде честь — мы с вами будем олицетворять собой миротворческие побуждения нашей станции. Мы с вами сейчас подождем машиниста и отправимся к нашим ублюдским соседям. И заключим с ними мир. Такова жизнь. Мир тоже иногда необходим, братя. Хотя изредка, но он должен быть.

Все сели на пол и закурили, ожидая машиниста. Старожилы стали вспоминать истории суетной боевой молодости.

пришел поезд. Мы объявили, что «Поезд дальше не идет. Просьба освободить вагоны». Они вышли, как сонные яки. Короткими очередями

и начал блевать. Хорошо так До спинного мозга А мы его прикладываем и

да. Я там был. И помню

Александр, чувствуя странную отрешенность, думал, как, должно быть, неприятно, когда свинец летит в твою большую голову прямо с неба. Руки его, своевольно овладевшие осколками желтовато-красного кирпича, как-бы заметив некую систему, начали складывать кирпичную мозаику. Они брали каждый камешек и, повертев его всеми сторонами, укладывали их к остальным.

— Так. — Прочитал Александр сложенный мозаичный текст.

— Так. — Повторил он его, глядя в потолок.

— Так. — Прошептал он, доставая коробочку белого цвета.

— Так. — Отдался у него в груди, когда он достал коробочку черного цвета.

— Так. — Пролетело у него в голове эхо поставленных на пол коробочек.

— Так. — Палочки опущены в белую.

Сам того не понимая, зачем, Александр начал с задумчивым видом перекидывать палочки из белой коробочки в черную. Так. Этак. Все уже было. Так неожиданно ботинок сдвинул коробочку черного цвета, что Александр по инерции продолжал сыпать палочки на пол.

— Все. Вставай. Потом отсортируешь, — командир был суров, но справедлив.

Коробочки в рюкзак — палочки в карман. Автомат в руки и в вагон. Сел. Прищурился на лампу. Лампа — маленькое солнце. Александр любил Солнце. Язычество, блин

Вагон тихонько пользовался предоставленными свободами, бутыльно позванивая на стыках. Александр проваливался в дремотное ожидание. Щурился на лампу. По одну сторону век были хмурые убийцы, несущие мир, по другую — глазные яблоки. Кругловатые. С прожилками. — Интересно, почему мне все надоело? Остопиздело Остобе-нило

И так и эдак 11 букв И вся жизнь после. Я ведь очень люблю дождь. Я хочу сидеть под дождем в грязном окопе, весь мокрый, и тихонько постреливать в приближающегося врага. И пусть он верит мне. Дальше будет после.

— Александр! Вставай! Что-то ты смурной какой-то в это последнее время.

Александр разорвал спекшееся мясо лица и, жизнерадостно улыбнувшись командиру, потянулся.

— Значит, так: четверо на рельсы, трое к платформе, один у стены. Я иду говорить.

Командир, уверенный в точности выполнения приказа, вышел из вагона и, хромя, подошел к стоящему у колонны человеку. Они пожали друг другу руки и, сев на корточки, заговорили. Александр посмотрел на эту идиллию и отвернулся к стене. Руки дрожали и плохо слушались, когда, соскабливая штык-ножом со стены сажу, он сделал надпись «Ника — крылатая дура». Командиры пожали друг другу руки и один из них махнул рукой, как бы отгоняя назойливую в своем желании умереть муху. Александр посмотрел на надпись и поднял глаза вверх. Там было небо. Вслед за глазами он запрокинул всю голову. Пуля пробила висок.

КРАСНАЯ МАШИНА

Когда подойдет моя очередь, я возьму упаковку колбасы и горчицу. Пойду домой и, сев на кухне, съем.

Очередь двигалась равномерно, как лениватая гусеница. Хвост ее непрерывно покачивался, а тело обновлялось. Постепенно каждый приближался к абсолюту, поднимаясь к небу за некий отрезок времени из самых низин хвоста. Стоящие сзади не любили голову и волновались, что за ними никто не занимается. А передние, передние уже практически неотрывно смотрели остекленевшими взглядами на таинственное темное окошко, мистическую дыру желаний, и шептали про себя формулы власти над ней, последовательность звуков и жестов, коим предмет желаний неукоснительно подчинится и выдаст искомое. Я обернулся и увидел, что к концу очереди пристраивается крас-

ная пожарная машина. Не то чтобы она была явно пожарная, но что-то такое в ней было Пожарное. Она стояла за мужчиной с детской коляской и смотрела на меня. Отвернувшись к направлению помыслов своих состоятелей, я понял, что если так пойдет и дальше, то я вполне рискую не успеть. А это очень плохо. Что-то делать. Я тихонько посмотрел через плечо уголком глаза — машина стояла на своем месте, не предпринимая активных действий. Но этот взгляд мне в спину. Надо как-то занять себя, надо не подавать виду, внушить доверие и усыпить бдительность. В правом кармане ключи от дома, жетон на метро, маленькие кусочки бумаг, в левом деньги и ручка. Начиная переключать содержимое права налево и наоборот, замечаю, что очередь начинает двигаться несколько быстрее. Люди в ней немного нервничают и валят друг на друга все тяжести земные. У меня большие карманы, это очень хорошо, в них влезает очень много — но сейчас там столько, что я переключиваю бесконечной чередой рукоわращений. И ничего больше. А под ногами Земля в асфальте, но видно, что это Земля. Как бы просвечивает сквозь, напоминает о спасении в недрах своих. Бросаю деньги в железную миску и выкрикиваю названия нужных вещей. Слюна внезапно образуется внутри меня и затекает за щеки. Неприятно, беру колбасу и баночку горчицы. Сую их в карманы и бегу по улице со всех ног. Надо успеть спрятаться в метро. Земля обещала спасение. Машина тихонько вырывается и едет за мной на вполне почтительном расстоянии. Почему она не приближается? Понятно, почему она не отстает. У турникета людно, у меня есть жетон в рай. Он летит в чрево зверя и меняет правый глаз на левый. По мраморным ступенькам, только бы не упасть, машина сзади меня незыблима. Геометрический рисунок пола. Ноги скользят по не-

му. Квадраты, ломаные линии, выщербины, даже треугольники мелькают у моих ног. Я встал за колонной и перевел дыхание. Прислонился к ней всей спиной и прижался к ней лопатками. Ее ребристая плоть взрезала меня подло, со спины, чтобы я увидел, я стек по ножам ее и сидел в слезах. Я плакал на проходящих мимо, я ревел и кувырчался на их бессердечие. Красная пожарная машина стояла у соседней колонны. Скрючившись, обхватив голову руками, я глянул на нее всей шириной глаза, запачканого слезой. Урчание в животе — мечта о сытом спасении. С коленей, головой вперед, не разгибаясь прыгнул в дверь вагона, затих на полу. Прижался ушком к нему и упоенно слушал всем черепом едва различимые на общем фоне стуки своего сердца. Нетвердую поступь организма по пути к бессмертию. Неприлично.

Встал и, отряхнув колени, поправил банку горчицы в кармане, колбаса немного сплюснулась и вялой крошкой свесилась из оболочки своей. К ней рано или поздно прилипнут непонятно откуда взявшиеся маленькие клочки и хлопья мусора. Наверное, ткани. Тошнотворной станет моя колбаса. Можно откинуться на спинку и не смотреть так напряженно на человека напротив. А то она уже приняла испуганный вид и приготовилась к бегству. На рубашке один карман. В нем фактически ничего нет, только ключи от дома. Я чувствую себя хорошо уже давно. У меня ничего не болит, разум светел и призрачно осязаем. Дома тоже все нормально. Жаловаться нет причин. Радужные надежды наполняют меня. На следующей станции все покинули вагон и оставили меня в одиночестве. В темноте туннеля поезд поворачивал — и вагон трясло. Когда я вышел, то за спиной у меня оказалась красная машина, ближе, чем раньше. Мы опять бежали. Святые ноги мои несли меня как крылья, но что это даст? Од-

Stasys Eidrigevicius. XII International Modern Exlibris Biennale

ну-две минуты отсрочки от неминуемого столкновения. Война миров. Я пошел в кино. Третий ряд, седьмое место. Сумма десять, разность четыре, сумма плюс разность дают произведение места на минус один ряд, то есть на половину разности. Прямоугольник белого цвета — и на нем торопливо, словно боясь, что их уже никогда не будет, сменялись образы. Подобия предметов из страны грез. Между ними возникали тонкие связи, завязывались сложные взаимоотношения, они совершенствовались и углублялись, развитие их было неумолимо, слова их были словами богов, взгляды их были пусты. Я с головой вник в пылью в луче созидания и, ломая стулья и ноги, устремился к щелке меж дверями. Раскачивал их, гремел цепями и

замками. Выломал таки. Свет бьет в глаза. Неизбежно слепну и во тьме закрытых глаз своих бегу без ориентиров, руководствуясь лишь волею членов своих да переодическими пониманиями о столкновении. Я не умею проходить насквозь. Но я хочу насквозь. Чтобы все предметы на пути моего скорбного бегства были зыбкой нереальностью. И чтобы я мог однажды проснуться в истинном мире моего благополучия. И улыбнуться людям моим. Лечь и, глядя в бескрайность вышин, воспринимать. Я свернул в подворотню. Остановился переждать. Но, заслышав визг поворота в опасной близости, вынужден был снова бежать. Тупая череда ступеней, каменные, мечты безлифтовых времен, более длинные, чем широкие, с выщерблинами на былых покатосях. Считать их уже нет смысла — большая часть позади. Впереди надежда за дверью. Коврик у ног спасения. Какой же ключ? Тот или этот? Все-таки тот. Открывается возможность быть живым. Использовать? Перед смертью всегда много вопросов. Стараюсь не думать и не обращать внимания на шум, раздающийся с лестницы. Свет не включал — боялся опять ослепнуть. Лучше умирать, видя последние осмысленные мгновения своих нервных движений. Кровать незастелена. Все свалено в кучу. Но как раз в этой куче можно спастись. Если быть решительным и стремительным. Накрыл голову одеялом и не слышал треска вылетевшей двери. Дрожал, смотря сквозь протертость на снег за окном. Он падал на улицы и уносился ногами слуг своих во все уголки земли. Но наблюдательный промежуток между волокнами ткани заслонила красная поверхность. Визжать уже просто не хотелось. С меня сдернули одеяло и посмотрели ласковым взглядом. А потом красная машина нежно коснулась моей щеки. Лопнули мыльные пузырьки. Моей щеки

31.08.94

Это роман написан под впечатлением от песни Романа Неумоева, которая взята эпиграфом.

Убить жида
 Чтобы купить пистолет
 Убить жида
 Чтобы ты был вооружен
 Народ, у которого есть пистолет
 практически непобедим
 Народ, у которого есть пистолет
 нельзя превратить в стада
 Убить жида, убить жида
 Убить жида
 Что борется с богом, танцует вальс
 На лунной дороге, на льдистом отроге
 Горит ледяная скрижаль
 Да будет убийца в беспамятство мглы
 невесомым огнем унесен
 Кто борется с богом за звездным порогом
 немислимо богом спасен

Р. Неумоев

Неужели ты не понимаешь, что вся эта мерзость существует только с одной единственной целью - она должна быть уничтожена тобой.

А. Плюха

Вот сюжет этого романа:

я прихожу в гости, там всякое странной убийс тва и тд. Я беру кошел/к с чем то непонятным и иду к выхду, оказывается, что все уже уодят, я провожаю одну из гостей хозяина, которая говорит мне. Что хозяин умер, и кошел/к надо похоронить. Мы идем к фонтану, заходим в воду по пояс (я сначала не хотел заходить, но Она сказала что надо) и бросаем кошелек в воду, шепча какуюто странную молитву. Все это жутео похоже на крещение Выходя из фонтана мы видим человека, который тоже выходит из фонтана, хотя раньше его там небыло. У него огромный рюкзак, и он просит нас его поднести к квартире умершего хозяина. так как это послед-

няя память о нем я шучу, что в таком тяжелом мешке может быть только все зло мира И человек говорит, что так оно и есть. Мы роняем мешок и плачем. Но потом видим, что из мешна бьет свет, и прямо на окна хозяина, мы берем мешок и ташим его дальше, причем человек по дороге пропадает. Вташив мешок подезд мы заходим в дворницкую. где дворничиха говорит нам, что хозяин выехал из этого дома оставив в качестве платы Тот самый кошелек который мы бросили в бассейн. Гостья хозяина случайно роняет кошелек ведро с водой, и оказывается, что там сода. _отом мы схозяйном катаемся на поездах метро снаружи корча рожи пассажирам. На одной из станций мы попадаем в облву милиции и нас вяжут, хозяин говорит, что это он заставил меня ехать снаружи и его расстреливают прямо в метро у стены поезда. Умирая он гоаворит что это он сам вызвал милицию, и теперь воистинну свооден. Я плачу и еду снаружди поезда, и сквозь слезы вижу внутри хозяина.

А теперь его рассуливание:

Изящен лес в хорошую погоду. Надрывные стуки дятлов, упоительные вопли глухарей и синиц, задумчивые звукоизлияния выпи — что может быть кайфовой? Разве что только пустынная улица с грязной лужей, разбитыми окнами и запахом чего-то чрезвычайно неприятного. Ибо только там можно быть стопроцентно уверенным, что ты один, и никто не спугнет неторопливый ход мыслей. Они будут тихо течь, вымывая из мозга страхи и предрассудки. И наполняя его новыми идеями, еще более бредовыми, чем были раньше. Там никто не говорит о престиже, здравом смысле, приличии, нормах поведения и про-

чей жизни. Это свобода. Свобода Так и я в один из *хороших* дней совершенно от нечего делать шлялся по одному из величайших городов нашей с вами Родины. Уныло было на моей душе, друзья все были заняты, читать было нечего и я сидел на лавочке в тени зеленого дерева, входящего в парк. Сидел и думал, что еще совсем недавно я переползал Калининский проспект, громко калялся во всех своих грехах в овощном магазине, поджигал библиотеку, спускал сливы в унитаз Спускали ли вы сливы в унитаз? Скорее всего, нет А ведь это так шикарно: сначала темно-синие, желтые, красные и зеленые сливы просто лежат в унитазе. Ослепительно-белом. И вы, держась рукой за ручку спуска воды, понимаете, какая громадная сила сосредоточена в ваших руках. На секунду вам даже становится жалко этого натюрморта, но, отринув эмоции, вы холодно и расчетливо высвобождаете бушующие потоки воды. Обезумевшая, опьяненная предоставившейся ей свободой водная стихия с грозным клеточком несется по трубам. И с триумфальным фырканьем вырывается на снежно-белую арену унитаза. Дальнейшее очень похоже на одну из картин Брюллова или же на ворвавшихся в Нью-Йорк татаро-монгол во главе с великим Тамерланом. Перепуганные сливы начинают с шумом носится по свободному пространству, совершая невообразимые финты и подскоки, как будто пытаются спастись от невидимого противника. Но через некоторое время в них просыпается гордость и отвага перед лицом неизведанного. И они решают, что лучше утопиться, чем быть погребенными толщей вод. И прыгают вниз. Вода несется им вслед. Когда все затихает, на дне унитаза остается лежать несколько слив, слишком толстых, чтобы быть смытыми. Их вы брезгливо спихиваете в сток указательным, да-да, именно указатель-

ным и никаким иным, пальцем. И с чувством выполненного долга идете завтракать. И в конце концов пришла мне в голову одна чрезвычайно идиотская мысль: позвонить в дверь первой попавшейся квартиры, на вопрос: «Кто там?» чистосердечно признаться: «Лифт!». Думать о последствиях этой идеи было в лом и я пошел претворять ее в жизнь. Первый попавшийся мне на глаза дом был четырехэтажен, и я решил, что это знак свыше. Как молния ворвался я в первый подъезд, тушканом взпрыгнул на четвертый этаж и позвонил в дверь с цифрой IV или что-то около того. Громко кашлянув в кулак: «Бойтесь! Я приперся!», я позвонил в дверь. Она уж было распахнулась, но цепочка хорошо знала свое дело и ловко поставила одну из створок на место. Из образовавшейся таким образом щели на меня воззрился голубой глаз, буквально через пять секунд к нему присоединился другой. Вид их был в некотором роде похож на то, к чему применителен термин «узрюли».

— Вам кого? — восспросили они меня.

— Лифт!!!! — горделиво ответил я.

— А Это вы Проходите. — ответили узрюли и откинули цепочку.

— Ммммда — задумчиво сказал я, входя, так как не был готов к такой реакции. В прихожей было темно и запаутиненно. Честно говоря, разглядывать интерьеры у меня не было времени, ибо открывший дверь схватил меня желтыми хрящастыми пальцами за рукав куртки (я был одет в куртку песочного цвета с пришпандоренным к левому рукаву колокольчиком, который в былые времена стоил 10 копеек, а теперь 11 рублей) и потащил по пыльному узловатому коридору. Звон моего скромного украшения в *этом* месте показался мне просто оглушительным, и я сжал его в кулаке другой руки, забыв, что меня за

нее тянут к некой таинственной цели. Провожатый дернулся вслед за рукой и зацепился ногой за плинтус. Укоризненно посмотрев мне на ноги, он сказал: «Пришли. Вам направо, мне налево.» Сказав это, он действительно ушел налево. Что оставалось делать мне, скромной звезде киберпанка, когда даже обладатели *таких* глаз уходят налево? Да, вы совершенно правы, я пошел направо. И через три, я их считал, шага уперся в дверь. Дернув ее на себя и увидев, что она не открылась, я толкнул ее вперед — и получил оччень хорошую занозу прямо посреди ладони. В затхлом воздухе раздался тихий голос: «Эрцгэрцог! Вы же не дома! Постучали бы, что ли! Ведь приличный человек!» Мое грустное сопение, сопровождающее процесс вынимания занозы, был Ему ответом. Но недолго я мычал. В гостях как никак Открыл дверь ногой и вошел. Посреди комнатухи, заставленной клетками и картинами, стоял низкоразмерный табурет с сидящим на нем человеком в потертом мундире. ответом. Но недолго я мычал. В гостях как никак Открыл дверь ногой и вошел. Посреди комнатухи заставленной клетками и картинами стоял низкоразмерный табурет с сидящим на нем человеком в потертом мундире. ответом. Но недолго я мычал. В гостях как никак Открыл дверь ногой и вошел. Посреди комнатухи заставленной клетками и картинами стоял низкоразмерный табурет с сидящим на нем человеком в потертом мундире. ответом. Но недолго я мычал. В гостях как никак Открыл дверь ногой и вошел. Посреди комнатухи заставленной клетками и картинами сто-

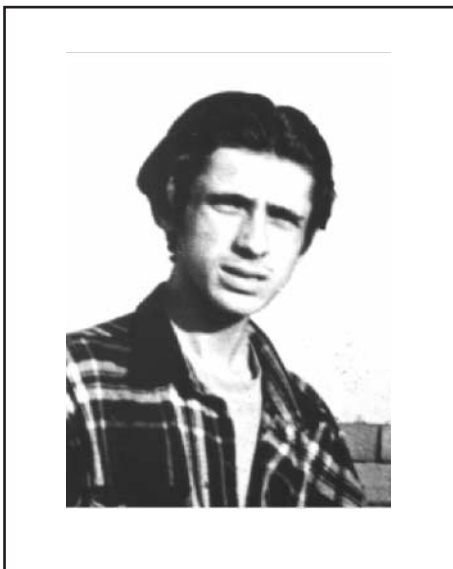
ял низкоразмерный табурет с сидящим на нем человеком в потертом мундире. Вот. Я сел на пол, и начал заниматься своим любимым делом — наблюдать за организмами. Организм сидел на табуретке не шевелясь, потом так же не шевелясь упал на пол и пополз в моем направлении. Недоползя метра 0.3 он вскочил и сказал: — Слушай, когда ты в последний раз переосмысливал свое отношение к балету? — Х.З.! Года два назад а д

А потом было лето. Я целыми днями смотрелся в зеркало, и улыбался сам себе. Очень хотелось обмотать шею шнуром, оттолкнуть ногами табурет и смешно перебирать в образовавшейся пустоте ногами. Но в то же время не хотелось вообще ничего. Я ходил по улицам, и в голове у меня жила шальная мысль о том, что сейчас не 93 год, а какой-то другой. Не может быть, что бы за почти две тысячи лет человечество ни разу не ошиблось. Это была моя любимая мысль, я кормил ее и всячески следил за ее уютом в моей голове. И когда она сдохла, я стал убивать крыс. Я комкал их жирные тела, самозабвенно тискал их в потной руке и выжирал им глаза. Которые они выпучивали в надежде увидеть идущее спасение. Когда я выходил из поезда метро, мне навстречу ринулся человек, он кричал и бурно жестикулировал. Люди оказались совершенно безнадежны. Они ходили толпами, и БУРНО ЖЕСТИКУЛИРОВАЛИ. Они стояли на улицах и говорили между собой. Они ели. ЕЛИ. ЕЛИ. Они ели дохлых зверей. Они носили одежду из шкур дохлых зверей. Если пропадут дохлые звери, человечество вымрет от голода и холода. Человечество вымрет. Но лучше будет его убить. Симпатичный песик, бегавший по этажам, лежит на проезжей части в лужице своей темно-красной жизни. совести. хитрости. подлости. судьбы. Смысла. Его смысл — это

лежать. Люди не умеют радоваться, они разучились веселиться. Мало кто может понять весь смысл кувыркания в снегу. Поэтому снег убирают, оставляют кругом асфальт. серый и черный. На котором лежат собаки. кошки. крысы. Эти люди — это не настоящие люди. Они продались здоровому. нездоровому. Это не важно, но смыслу. Люди сознательно не хотят быть лучше. Они боятся упасть. Они делают из себя говно. Летов прав: «Ну почему они не ангелы!!!!?» Ангел, это что-то чистое, Нет, даже не чистое. А просто настоящее. Настоящее. Наст.

Наст — это то, что образуется сверху замерзшего снега. Он тоненький и хрупкий. Он хрустит под ногами. Хотя как можно описать настоящее ненастоящими словами. буквами. знаками. Все это не искренне. Люди никогда не будут говорить, рисовать, писать и прочая правду — они боятся, что их осмеют. Люди боятся смеха. Так им и надо. Все. Теплая кровь на нижней губе.

Юрий Фесенко

МИША

Около разрушенных частей потенциального тела, стояла гибкая прочность миллионов полуакустических систем, полупроводниковых генераторов и бильтоллионов эроценсиий. Михаил Шпейк, простой инженер микросильвоники, стоял перед стеной и разглядывал опадающие за пенобетонным стеклом звезды. У Миши (как его называли соратники по революции) было около миллиарда таких сфабрикованных звездочек, эта коллекция также насчитывала около киловатта прочных планет и галактик. Миша стоял, смотрел и думал, почему такая многосиловая планета, как Земля, приносит раз в квартал по одной жертве Стиксу? И почему разум микроба ниже разума микроба Б-69? Задача из непростых. Миша вынул глаза, взял тряпочку из поваренной соли и вытер кажленную обложность диафрагмы и посмотрел на внешность неокаолиберальности. Что собой представляла либераль-

ность в дни жизни тогдашнего Ивана Сусанина в силовольтных экстазах? это непрочная установка правил тогдашней игры в «Кошки и мы мышки», нарисованный потолок ребенком считался врагом нации и всей Германии. Еще дедушка Адольф Гитлер говорил, что мир нужно во что бы то ни стало надобно спасти, ибо евреи (а что они нам плохого сделали, — говорил Фюрер на съезде компартии Узбекистана, а евреи ему отвечали, что, мол, сделаем ты не бойся) заполнят всю Африку до ее корешков и бедные негры станут белыми.

Над всем этим Миша думал уже четвертое десятилетие, вот так стоя у стены и разглядывал опадающие за пенобетонным стеклом звезды.

— Я вам не помешал, Миша? — спросил чей-то голос. Миша повернулся и уставился зыбким и зорким оком на большевика-нациста. Возле его подошвы развалился пренебрегающий всем и вся кот Вася. Он муркнул и достал из-под солнышка кусочек метана, за одну секунду кошечка проглотила его и попискивая магнитным хвостом, она пересела из говна в самое настоящее дерьмо (что и нужно было от нее ожидать, но по словам Миши, этот кот был заслан кем-то, или Сталиным, или Николаем Чаушеску, или Петром I, а может, и Карлом Великим. Но ни одна душа не знала об этом, даже сам великий Ленин шепотом говорил). Наученный на этой основе не кидаться в панику или в сами панки Миша достал «суп для нуждающихся», открыл его дрелью и, не вымазав подоконник, взосрал этот суп со всеми ее потрохами, но не найдя, чем бы вытриться, Миша схватил кота и, вытрусив из него все потроха, он вытер свой срандель и одел чистый горшок на искаженную лысину. Пройдя километраж молекулярной относительности, Миша поперхнулся на собственной блевотине, из чего следует вывод. Что нельзя есть

куриные потроха, а их нужно сдать в роддом имени «И. И. Скальпель».

Спустя много, много, много, много лет Миша отдал свою дочь Лилю за одного из дебилов мира сего Петрушкина Фелимона Прокофича. А сам Миша ушел на заслуженную пенсию и теперь он долго вспоминает те годы, проведенные около стены. Те незабываемые годы террора и насилия превратились в незабываемую мечту. Сев на электрический самозарядный стул, Миша писал и будет писать свои мемуары.

МИША - II

В пророках и в сновидениях Мише не давало одно только слово. Смерть. Миша боялся крикнуть всем, что мир — это помойка, что мир — это убийство на почве шизофрении. Миша не мог предположить, что кто-то чьей-то рукой нарушит кровообращение в эмоциональных вещах. В пролетарии соединенного дома настойчиво стучит барабанная дробь, в ушах отдается эхом прошедший бой, с врагом как с другом. Миша искал в этом всем мысль как прожить день сегодняшней и день завтрашний.

Тот иной, тот спасенный, тот вечный,
т о т

Мороз щекотал дырявые мозоли Миши, он поднялся и высунул нос на обочину. Какой бы был не засратый русский, он в своем роде гигант. Но спящему Мише было не до гигантов, он гнал эту мерзкую мысль. Он боялся «ушей», «глаз» и не верил своим рукам. Он подходил, как прощенный в прошлом нацист и этакий философ своего народа. Он подарил миру «Сонет шестого заката». Миша наслаждался тем, что он жив и плюет на всех засранцев как М.

Горбачев, И. Сталин, В. Ленин, К. Маркс, Ф.Энгельс и другие мыслители камунизма.

В роли простого лишнего

— Товарищ, пройдемте со мною, — сказал человек в синей форме, вымысленной кем-то в наркоманском опьянении. Миша посмотрел на него удивленными глазами и прошипел.

— Извините, но я не могу с вами пройти, хотя мне так хотелось это сделать уже тысячу раз. — Миша ответил эти слова, не тая в прозрачной душе ни капли ненависти или похоти. Миша снова зевнул и продолжал пить водку.

— А почему вы этого не можете сделать? — спросила синяя форма. Форма поближе подвинул свою фуражку и лейтенантские погоны. Миша глянул на это извращение.

— Послушай, лейтенант, ты погоны мне свои не суй, я и сам вижу то, что мне нужно видеть. Ты лучше сядь и выпей сто грамм и тебе полегчает. Видишь ли, у меня нет ни ног, ни глаз

Лейтенант почувствовал, что у него начинают течь слезы, он поднял рукав и вытер выступающие на передний фланг слезы. Он присел на траву около Миши и посмотрел туда, где должны были находиться ноги.

— На, лейтенант, выпей за меня и мне станет легче.

Лейтенант взял стакан и залпом опрокинул его в желудок. Кривляясь, он закусил прогнившим огурцом. Миша налил себе, поднял его и посмотрел в глаза лейтенанта.

— Да, служитель закона, в скором будущем ты станешь генералом, или нет, лучше маршалом, или там генералиссимусом. Короче, кем захочешь.

Миша налил еще ему, лейтенант посмотрел в стакан.

— Товарищ, я вижу тебя с ногами и с голубыми глазами.

— Ты пей, пей. Не задержуй путь.

Лейтенант выпил

— Я фас о, я не то хотел сказать. Я пас. Вот.

И лейтенант свалился на травушку-дубравушку. Миша глянул на него, взял лопату и зарыл лейтенанта в вымерший колодец.

Миша выпрямился и выпил последние сто грамм.

МИША - III

Эх, приснился как-то Мише сон, вот он мне его и пересказал, слово в слово.

Это случилось весной 2 июня. Значит, приходит Миша на работу и, сразу переодевшись, подошел ко мне.

Он стоял предо мной такой испуганный, как будто он увидел что-то страшное. Глаза сверкали как угли и в них таялось нечто страшное.

— Послушай, Андрей, мне сегодня приснился страшный такой сон, — он посмотрел на меня так, как будто это я участвовал в его сне, и я был похож на чудовище или что-то, испугавшее его. — Ты мне кого-то напоминаешь?

— Дядь Миша, я ни на кого не похож, а если похож, то токо на себя.

— Но ты можешь послушать мой сон и сказать, что из этого значит?

— Ладно, рассказывайте.

Миша сел на стул, стоящий около моего станка, закинул ногу за ногу и начал рассказывать свой сон.

— Ну вот можешь ты себе представить. Приходишь домой, кушаешь, в туалет ходишь, ну и ложися спать, как самый рабочий человек. Вот так и я пришел домой, пошел покушал, сходил в туалет и лег спать.

Где-то полчаса я валялся в конвульсиях, в холодном поту и в красном жа-

ру. Я не понимал, что со мной происходит. И так, и сяк, с одного положения в другое. В общем, я не мог уснуть. Я встал и пошел на кухню, налил себе чаю и сел чего-то ждать, чего — я не знал. Я ждал и ждал, потом я нечаянно уснул. Да, да, Андрей, я спал богатырским сном и пока мне ничего не снилось страшно-го. Мне снились могилы, всякие там скелеты, ад во всем своем смаке, пожирание людей каннибалами, жертвы войны и всякое нестрашное. Но потом произошло не что

Мне приснились цветы. Они отливались всеми цветами радуги, такие прекрасные, каких я еще не видел никогда. Они росли у меня на глазах, они были такими, такими огромными, что мне стало страшно, а не могут они задушить меня. От этого я проснулся в луже мочи и пота и еще я чуть не урсался.

Я полежал немного, успокоился, вдохновил себя на сон хороший и лег. Я уснул и пока мне ничего не снилось, но потом это началось заново. О, эти кошмары (они покруче «Кошмаров на улице Вязов»), они приходили ко мне толпами. Мне снова снились эти проклятые цветы, но они стали снова маленькими. Но потом я увидел второго меня. Он стоял и признавался в любви какой-то проститутке. Я подошел, чтобы остановить его. Но вместо проститутки стояла моя жена, она была вся в цветах, как в говне. Я сказал: «Линна!», она повернула свое лицо, но его там не было, там был мир. Я снова проснулся и больше не ложился спать. Вот и весь мой сон.

Я подошел к нему и встал.

— Вы бог.

И я упал замертво.

Миша стоял около дворца молодежи и ждал сэйшн. На нем были рваные брюки, футболка с «Эксплойдом», рубашка на выкид, эрокез на голове, шнифты на носу и в хайкигах. Он стоял и курил драп, голова уже дымилась, прибывали новые мысли и лез всякий бред. Миша сел на лавочку и отключился минут на сорок. Вскоре он встал как ни в чем не бывало зашел за угол и достал из кармана шприц с героином. Откатив рукав, он воткнул иглу в вену и влил туда всю дозу. Через минуту начался приход, у Миши глаза начали западать, краснеть и вообще потухли. Еле шагая, он добрался до зала, где должен был проходить сэйшн, и сел на одно из сидений.

Он смотрел на сцену и не мог ничего понять. Перед ним начали бегать какие-то чертики с глазами на ушах, бедуины курящие анашу. Голова понемногу начала сама поворачиваться из стороны в сторону. Миша чувствовал, что он пеленгатор, он ловил все звуки, шорохи, скрипы, потолок начал проседать, валиться штукатурка, в право, а где и в лево. Миша окунулся в неведомый ему доселе мир, полный всяких прибабасов и голых телок.

Миша посмотрел на девку и увидел ее внутренности. Вон там желудок, там почка, а там сердце. Он увидел ее с право и с лево. Она была прекрасна, как героин, и стройна, как конопля.

Миша отвернулся от нее, новый прилив и волна смывает наготу и превращается в кости и в мясо, кровь и гной. Миша просунул голову между прутьев и увидел не что. Там стояла смерть во всей своей красе. Но Миша испугался и побежал в туалет. Он бежал и ему казалось, что он бежит от самого себя. Миша гонится за Мишей. Но кто из них на-

стоящий? Миши стояли друг против друга и смотрели убитыми глазами.

— Слушай ты, Миша я и нет больше другого Миши, — сказал один Миша.

— Нет, это я Миша и прошу меня не путать с кем-нибудь.

— Нет.

— Да.

Пока Миши спорили, кто из них Миша, третий Миша сидел и втыкался в песни групп.

МИША - V **или** **ВТОРОЙ ЛЕНИН**

Миша лежал в траве и собирал одуванчики с цветущими ромашками. Голубые бабочки кружили над толстой лысиной, оставленной катком. Миша продолжал собирать одуванчики, когда в метрах 100 от него приземлилась летающая тарелка.

Миша посмотрел в ихнюю сторону и снова занялся своими одуванчиками. Он не ощущал прикосновения со стороны прямого отчета.

Инопланетяне вышли из корабля и направились в сторону первого человека, попавшего им на пути. Они подошли к нему и протянули руку. Миша испугался и взглянул на них.

— Вы кто будете? — спросил Миша и уткнулся головой в землю как страус. От страха у Миши начало почему-то вонять. Инопланетянам этот запах понравился и они начали по очереди вдыхать этот просторный запах. Но Миша чувствовал только то, что течет по его ногам. От обиды он зарылся в землю. И только из недр земли сверкали его красные глаза.

— Товарищ? Вы почему спрятались от нас? — спросил инопланетянин.

— Мне стыдно, — крикнул Миша и из земли послышался взрыв.

— Вам стыдно? И почему, товарищ?

— Это не ваше дело, почему мне стыдно, — ответил Миша и заплакал.

— Товарищ! А вы, случайно, не Ленин?

— Нет, я не Ленин, я Миша, — ответил он и заплакал. — Ленин умер сто лет назад.

— Товарищ Миша! А вы ярый коммунист, или анархист? — спросил пришелец и сел около ямы. — Товарищ Миша! Выползайте оттуда и давайте с вами поговорим.

— Нет. Мне стыдно.

— А нам нет.

— Тогда зачем я вам нужен?

— Нам нужен т. Ленин, с его коммунистическими взглядами.

— Но он кони двинул еще сто лет назад.

— Но вы похожи на него.

— И что предлагаете?

— Полетели с нами, а там мы представим как т. Ленина. И вы поведете нас на Зимний дворец-II.

— С меня хватит и одного.

— Но вы говорите уже как т. Ленин.

— А что мне там будет?

— Революцию мы вам обещаем. Н. Крупскую тоже обещаем, как и др. ярых революционеров.

— А Сталин будет там?

— Нет. Мы его убили в 1953 году.

— Это хорошо. Ладно, уговорили, я лечу с вами, но вы вернете меня на Родину.

— Хорошо. Слово т. Сталина.

МИША - VI

Отстояла осень свои листья, ветер кружил пыль во всех направлениях, Миша сидел за столом и кушал. Он понимал смысл в имени, которое дает право выбирать — стрелять или насаждать весне. Миша был солдатом, а его автомат — властью. Он управлял верой в создание того права, что не дает спустить штаны до уровня колен.

Миша встал, взял автомат и вышел на улицу. На дороге стояла машина. Он сел в нее и поехал в свою часть.

Он ехал, а солнце припекало его задницу. На небе кружились орлы, стервятники и куча пуль и снарядов. Миша понял, что его обстреливают и свернул прямо в солдата, а около солдата волялся динамит. И он взорвался, унеся Мишу в иной мир.

МИША - VII

Злой и убитый горем, Миша сидел на могилке своей бабушки и плакал горькими слезами. От этих слез на могилке начали расти георгины и ромашки. Миша только вчера схоронил свою бабушку, а вот сегодня он сидит и поминает на ее могилке.

Около его столика стояла бутылка горькой, кусок хлеба, сало, шпроты, соленые огурцы, редиска, лук и т. д. Миша поплакал, повернулся к столу и налил себе сто грамм водки. Взял соленный огурец и повернулся к могилке.

— Бабулька, бабулька, на кого ты меня оставила? — заревел Миша.

— Миша, не плачь! Будь мужчиной! — сказала бабушка из могилы.

— Fuck you world! — заорал Миша и мигом опрокинул сто грамм. «Водка хорошая!»

— О чем ты думаешь, внучек? — спросила бабушка.

— Да все о тебе, моя милая, — ответил Миша и закусил огурцом.

— А не о водочке, Мишенька?

— Нет, бабулька.

Миша повернулся к столу и хорошо поел и запил слезами.

— Бабушка, а почему ты ушла от меня? — спросил он.

— Я постарела и меня призвал Господь. Вот теперь я здесь.

— А когда я буду около тебя?

— О, это не скоро. Лет через пятьдесят. Не раньше.

— А кто ты там?

— Грешница, внучек. В рай Господь меня не взял. Закрыл передо мной ворота рая. И вот теперь я между раем и адом.

— А в ад хочешь?

— Меня не пустят. Там сейчас страховое общество закрытого типа. И чтобы вступить в него, нужен взнос, а у меня нет денег.

— Это плохо.

— Слушай, Миша, а хочешь ко мне?

— Нет. Я, пожалуй, еще поживу.

— А может, хошь?

— Нет, не хошь.

— Нет, Миша, так нельзя. Я сейчас к тебе прийду.

— Нет, не надо.

Земля на могилке начала понемногу подниматься. Миша испугался

Миша проснулся в холодном поту, сердце выскакивало наружу. Руками Миша остановил его и успокоил. Он встал с кровати и подошел к спящей бабушке.

— Бабушка? Ты спишь? — Но она ничего не говорила. Он поднес ухо к ее сердцу и послушал его. Оно молчало.

Он встрепенулся и посмотрел на бабушку.

— Она мертва.

Он побежал на кухню, открыл холодильник, достал водку и выпил почти полбутылки. Он снова вернулся к кровати бабушки.

Она лежала в таком же положении, в котором он ее оставил. Бабушка открыла глаза и посмотрела на Мишу.

— Миша, я говорила, что прийду за тобой.

Миша остолбенел от страха, он слышал, как понемногу его сердце начало останавливаться. Он крикнул и умер.

— Слава богу, он со мной, — сказала бабушка и закрыла глаза.

малось и умирало прямо на глазах. Она была Бабой.

Миша же был худым мужиком, рабочим, закаленным во всех сталеварских, шахтерских, металлургических делах. Он был мужиком своего дела. Он один раз по-настоящему влюбился в Марусю, он очень сильно ее любил.

— Горько! — кричали всю опохмеленные гости.

— Водки! — кричали из-под стола дети.

Маруся с Мишей встали из-за стола. Маруся схватила Мишу за воротник и подтянула его к своим губам. Она нежно стала целовать Мишу, но Мише казалось, что ее губы засасывали его маленькую худую голову.

— Горько! Горько! Горько!..

— Водки! Водки! Водки!

— Горько! Горько! Горько!

— Водки! Закуси! Водки!

МИША - VIII **или** **ВЕЛИКАЯ ПОПОЙКА** **МАРУСИ И МИШИ**

В огромном ресторане «Свет коммунизма» собралась огромная толпа людей. Они восседали за невъебательским столом и пили, закусывали, распевали народные песни «Дубинушка», «Во поле березка стояла» и др. Короче говоря, была свадьба Миши и Маруси.

Миша сидел на табуретке и пел во все горло «Белые розы», а Маруся, восседавшая на стуле, казалась гигантом. Своим телом она заполнила четверть зала. Маруся по своей природе была чистой русской бабой, доброй, нежной в душе, но сильной снаружи. Для нее чтобы обидеть «стасика» или бабочку было делом чести. И если она брала что-нибудь в руки, у нее все крошилось, ло-

МИША - IX

Миша лежал на кровати и ловил голодных комаров, которые стаями кружились, как «мессершмиты», над его головой. Он махал своими руками и закрывал глаза, пытаясь заснуть. Но шум жужжания не давал этого сделать. Он бросил это занятие и укрылся одеялом. Но стая комаров, обнаглев, стали проедать дырку в одеяле, в очень мягком месте, жопе. Миша не чувствовал этого, он только слышал, как они жужжат над его засыпающим теле.

Около костра сидели три друга. Михаил Шпейк, Иисус Христос, Александр Македонский. Все они великие люди своего времени, и вот они решили собраться и поговорить о мире и согласии.

Александр Македонский прискакал на Буцефале, Иисус небесным духом, а Миша на ковре-самолете. И вот они сидели на зеленой лужайке у костра и обсуждали мир.

— Fucking world, — закричал раздраженный Александр. — My god is war. I war in sleep world!

— Ладно, не ори, Александр, — сказал Назаретянин, — и, пожалуйста, говори по-русски.

— О'кэй.

— Мир прекрасен, как мой тюфяк! — сказал Миша и потянулся.

— Но мир — это хаос. Надо больше войн, — вскочил Александр. — Мой меч опустошит весь мир. Он

— Не ори, Александр, — повторил Иисус. — Мир надо преобразить, сделать краше и ярче. Его надо полюбить.

— Да, да. Полюбить, как мой тюфяк, — сказал Миша.

— Да причем здесь твой тюфяк, — покосился на него Александр. Вот мой меч быстро его преобразит. Я его быстро научу, как расцветать.

— Слушай, Александр, перестань со своим мечом и со всей войной. Это тебе не со скифами воевать и не Вавилон брать. Fucking воин, — сказал Миша и уткнулся в свой тюфяк.

— Давайте-ка каждый в свое время, по-своему преобразит этот сраный мир, — сказал Иисус. — Но только без мечей, Александр, и без тюфяков, Миша.

— А ты без своих «мир, любовь и т.д.», — сказал Миша.

— Хорошо, я постараюсь, — сказал горечно Александр. — Но я не отвечаю за

себя, если персы пойдут на меня войной.

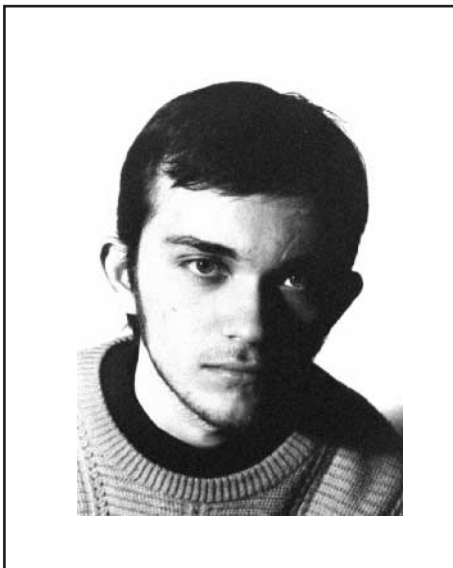
— А ты на них не иди, они на тебя не пойдут, — сказал Иисус.

Вот так поговорив, они разошлись каждый в свое время.

Александр построил в Египте Александрию и через годы умер. Иисус Христос начал проповедовать и очутился на кресте. А Миша Миша живет по-своему. Трахает баб, дарит тюфяки, пьет вино, смотрит видео, извращается в стихах.

Но мир остался таким же, как и был. Никто не смог его преобразить. И мы будем ждать это время, как обещал Иисус Христос и Иегова.

Вячеслав Бондаренко

ЕДИНСТВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

Он работал в огороде.

Ему повезло. По крайней мере, он так считал. «Люди — добрые. Они хорошие. Они считают меня своим. Дали мне одежду и работу. Я такой же, как они. Конечно, не совсем. Но я стараюсь. Нужно быть добрым и хорошим — как они».

Он очень хотел стать настоящим человеком.

Его работа состояла в том, чтобы отпугивать птиц. «Птицы тоже хорошие. Люди, конечно, лучше, но птицы — они маленькие, красивые. Их жалко». Птицы не очень его боялись: только самые молодые, залетев на огород и заметив его, тут же как можно быстрее улетали. Взрослые птицы в это время продолжали питаться плодами и побегами, посмеиваясь над молодыми, но все же изредка поглядывали в его сторону: от человека всего можно ожидать.

Ему нравились птицы, но ведь люди поставили его здесь, чтобы он отгонял их. Он слабо шевелил руками (дул ветер) и птицы, не доев плоды и побеги, улетали.

«Они голодные. Это плохо. А я их прогнал. Я плохой. А люди хорошие». Вскоре птицы возвращались и он этому очень

радовался. Птицы и птички клевали плоды, летали над огородом, пели песни. Люди любят песни, но все же очень сердятся, когда кто-то поедает их овощи и фрукты.

Люди появились в огороде со словами о том, что нет никакого толка от пугала. Он не понял, что речь идет о нем. Когда громыхнуло и птицы с криком побежали к тучам, ему стало ясно, что это что-то необычное. Раньше такого не было.

Птицы больше не радовали его песнями. Ему некого было жалеть, не от кого было охранять огород.

Высоко в небе пролетала стая птиц. Он посмотрел на них и понял, что они улетают в другой огород. Птицы смотрели вниз и с высоты своего полета говорили «До свидания» ему — единственному человеку.

Он смотрел на летящих птиц и слезы покатались по его лицу, начался дождь. На огороде наступила осень.

ГОЛУБИ

В самом центре города, посреди большой площади, стоял мужчина. Несмотря на июньскую жару, он зябко кутался в пальто. Он стоял здесь так давно, что его почти перестали замечать, но ему это было абсолютно безразлично. Кажалось, что он совершенно неподвижен. Действительно, мужчина шевелился мало — движение усиливало нетерпение, а еще — он боялся отвлечься. Раньше его больше всего отвлекали голуби. Сейчас он их просто не замечал. Мужчина всматривался куда-то вдаль. Его лицо застыло в ожидании.

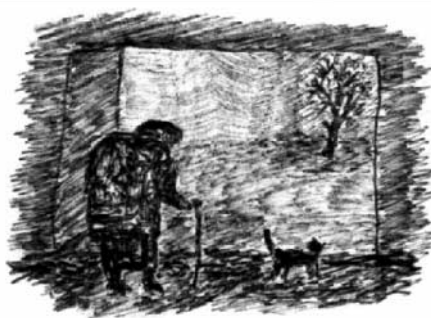
У голубей очень короткая память, если она вообще у них есть. Каждый день все начиналось одинаково и продолжалось словно по одному и тому же сценарию. Голуби ничего не уясняли для себя. А может быть, каждый день это были новые голуби?

Грязный от времени и пыли, а может быть, странно загоревший под солнечным солнцем, мужчина имел серый цвет. Быть может поэтом, и еще потому, что он не обращал на них внимания, голуби летали в такой близости, что иногда касались его головы.

Когда становилось ясно, что мужчина стоит здесь не для того, чтобы швыряться камнями, самый смелый, а может быть, самый глупый голубь садился прямо на лысую голову. Посидев немного, он взлетал, наверное, все же опасаясь, что мужчина не шевелится, выжидая, и вот-вот его схватит. Но мужчина не проронил ни шороха.

Голубей на площади было много. Воодушевленные героизмом соплеменника, они начинали предпринимать несмелые попытки, и спустя некоторое время на голове у мужчины восседали два или три голубя.

Голуби толкались, хлопали крыльями, клевали друг друга в бока Серую, безволосую голову теперь увенчивала копна из перьев, клювов и розовых лапок.

В. Бондаренко. Без названия

Черно-белые фекалии стекали вниз по бороде и кляксами падали на лацканы пальто.

Пернатые оргии продолжались до первых фонарей. Утомленные птицы разлетались по своим гнездам.

Серый мужчина в пальто неподвижно всматривался куда-то вдаль: «Она придет Она обязательно придет Ведь она обещала Она — хорошая»

Утром снова прилетели голуби.

ТИШИНА

Посвящается Борису Виану

Недостаток радио в том, что оно постоянно говорит, и говорит, и говорит, говорит не смолкая А если и не говорит, то издает всяческие звуки: оно то пищит, то бьет в колокола, играет на рояле, лает, мычит, поет романсы, делает что угодно только никогда не умолкает. А что делать тем, кто не любит всего этого нагромождения звуков, а предпочитает тишину? Довольствоваться суррогатом, слабым подобием в перерывах между передачами — две минуты слабого потрескивания и страха перед неминуемой, злорадной фразой: «Мы снова в эфире»? Почему тишину передают по радио только глубоко ночью, когда утомленные ожиданием этого часа граждане валяются со стульев, подминая под себя собственные тени и ломая ребра?

У Вианера любил радио-тишину.

Научиться наслаждаться тишиной несложно — достаточно открыть магазин или еще какое-нибудь публичное заве-

дение, например, космодром. У Вианера был магазин.

Несмотря на перепады погоды, состоящие в болезненной связи с переломанными ребрами, и нападки соседей, состоящие из «дружеских советов» («Вианера, если ты любишь тишину, — выключи радио». Но для чего тогда не спал ночами Попов? Наверняка не для того, чтобы его изобретение висело на стене тараканьим домиком. Вианера относился к чужому труду уважительно), старик Вианера был верен своим привязанностям.

Отгоняя сон громовым храпом, раздавшись заветной минуты, Вианера включал радио на полную мощность и под вялой желтизной луны в полной мере наслаждался радио-молчанием.

Когда чего-то очень хочется, когда ты лелеешь, вынашиваешь это в себе, когда идешь к этому маленькими шажками, это называется мечтой. У Вианера тоже была мечта. Но, кроме этого, был и магазин, забиравший достаточно сил и времени, но, кроме этого, служивший стимулом, что оправдывало все затраты сил и времени на него.

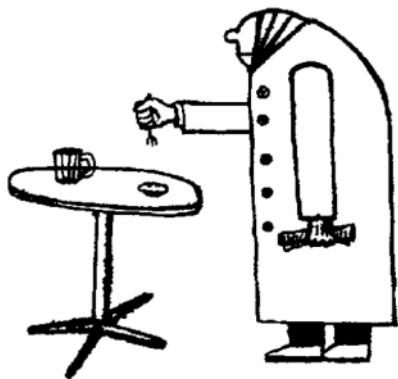
Замечено: человек устроен так, что стремится к тому, чего у него нет. Вианера стремился к тишине, полной тишине, отсутствовавшей по причине присутствия магазина. Эта фраза режет слух. А теперь подумайте — каково было Вианера.

Магазин пользовался популярностью в городе. Иногда за 7 дней, что составляло в этой местности неделю, заходило 10-15 человек. Некоторые даже делали покупки. Одним словом — делашли неплохо.

Было бы несправедливо не рассказать о Вианере подробно — он заслуживает внимания. Итак: Вианера был немолод, невысок и любил ванильное мороженое.

---

* Попов - изобретатель радио

В. Бондаренко. «Друг хозяина пивной»

Магазин был популярен. У жителей города даже сложилась традиция — ходить по выходным в магазин всей семьей. Это было очень весело. С раннего утра выстраивалась очередь, но к тому времени, когда солнце отрывается от горизонта, она деформировалась и больше напоминала толпу. Задние ряды напирали на передние, а те — на витрину. Витрина была стеклянная и было удивительно красиво, когда она разлеталась мелкими осколками, словно брызгами, блестящими и красными в лучах молодого солнца.

Заходить в магазин до открытия было не по правилам, поэтому тех, кто ввалился в витрину и теперь лежал на полу, вытаскивали на улицу и складывали в стороне. Все веселье было впереди.

В один из выходных дней все началось, как в предыдущие выходные дни, которые абсолютно не отличались, при сравнении, от прочих, но дальнейший ход событий заставляет меня сказать вам, что тот самый день, о котором пойдет речь, был из ряда прочих вон выходящий.

Ву проснулся, как всегда, в подходящее время — утром. Конечно, он мог тут

же пойти и открыть магазин, но не в его правилах было обманывать ожидание стольких людей.

Его не интересовало, что происходит на улице, — были дела поважнее: умыться, одеться и позавтракать; к тому же — магазин был застрахован.

Умелая рука нажала на кнопку — двери распахнулись и шумная толпа, пахнущая старыми бумажными купюрами, неторопливо ввалилась в магазин. Ву хорошо умел нажимать на кнопку.

Вся эта суеда была не для него: он ведь любил тишину. В то время как опоздавшие к открытию покупатели растаскивали прилавки и кусочки бежево-зеленых обоев со стен, Ву выжидал подходящий момент. Ожидание длилось, примерно, пять последних лет, но теперь, — в тот самый день, — подходящий момент наступил. Так думал Ву Нихер.

Ву выглянул на улицу — ему хотелось узнать время. Единственные его часы не работали, так как у кукушки появились птенцы и она скормила им все пружины и прочую дребедень. Ву не очень сердился. Он выглянул на улицу и посмотрел наверх, туда, где, по его мнению, должно было находиться солнце. К сожалению, у солнца часов тоже не оказалось. Но внутренний голос подсказывал: «Пора». Ву согласился.

В просторном и светлом сарае, за дверью дубовой и белой, гигантская муха стояла, что Ву к мечте давней, заветной должна отвезти, и обратно.

Ву, проживший всю жизнь в шуме, мечтал о тишине, о полной тишине. Он мечтал взлететь ввысь, к облакам, но не на грохочущем самолете, а на мухе, которую он откармливал примерно пять последних лет отличным дерьмом.

Метаморфоза жизни: почему одних удивляет пристальное внимание к мухе, в то время как другие держат в сво-

их домах змей, хомячков и попугаев, и этот факт не вызывает ни капли удивления у первых. К тому же большинство и первых, и вторых держат у себя дома тараканов. Упомянутые соседи Ву нередко заполняли своими лицами окна и скандировали: «Зачем попусту переводить отличное дерьмо?!», но старик Ву оставался столь же непреклонным и жестким, каким был и раньше.

Посиневшие от холода купидоны бросали нервные взгляды на бутылку рома, которую Ву прижимал к своей груди, и мелкая дрожь нетерпения сливалась с дрожью от холода. Суета крылатых малышей никак не привлекала внимания Ву. Он сидел посреди облаков, забыв о мохнатой спинке, которой доверил свой вес, забыв о бутылке рома, забыв обо всем. Ни шороха. Лишь застывшие в движении прозрачные крылышки. Тишина.

Ву не было никакой разницы — над чем он пролетал сейчас: все равно — везде суета и шум. Ему не было дела до лесов и полей, рек и озер, городов и ферм.

Запах свежего дерьма (на ферме его называли навозом) достигал облаков. Ву его не чувствовал, купидонов он — раздражал, муху — манил.

Серебряное Крыло (так звали муху), манящее этим запахом, резко спикировало вниз. Ву не удержался и полетел самостоятельно. В силу ряда обстоятельств летать он не умел, и поэтому нетрудно догадаться, что произошло, когда он вернулся на землю.

Осколки бутылки блестели в лучах заходящего солнца. Красная лужа от слез купидонов теперь стала розовой.

* * *

Не стоит все же очень грустить — у этой истории счастливый конец: родители разрешили Мэри выйти замуж за Джо.

Теперь у них трое детей, старший готовится поступать в университет, и живут они все просто замечательно.

* * *

Ву поднялся с примятой травы. Он взглянул вверх — на облака, вниз — на розовую лужу рома, и ему стало жаль маленьких, голых, замерзших купидонов. Потихоньку он побрел домой. Пора закрывать магазин.

ПОЦЕЛУЙ

Ху́йня война

Водитель остановки не объявлял — да и надо ли: в окне все равно ничего не было видно, только разноцветно мелькало. По углам тихо жужжали компостеры, словно вещая, что контролер — на линии. Автобус ехал. Не глядя на 19:30, салон не был набит и на половину.

На улицах вечерело; шел дождь и даже были лужи. Что на календаре — то ли поздняя осень, то ли ранняя весна — точно уже никто не помнил. Жители ждали урожая. Один только Миша просто смотрел на заляпанное, блестящее изнутри стекло. Его мысли были светлы и пусты.

Так бывает обыкновенно после важного события, когда уже все обдуманно, но ни хуя не ясно, кроме того, что тебе открылось что-то важное. А человечество, словно потеющий пятиклассник над портретом Marlin Monroe, как всегда оказалось глубоко позади вместе со своими делами и проблемами. Жители вряд ли бы разделили светлые чувства: из-за своей дальности, из-за подсознательной зависти и прочей плесени, накопившейся за многие годы

и века в их мозгах. Между тем Миша смотрел в окно; в глазах его тоже разноцветно мелькало, но этот желто-красный фонарный свет никак не отражался на его светло-пустых мыслях. Лишь одно: Наташа Наташа Наташа

Так же, как и все прочее, автобус не едет бесконечно. Двери с шипом открылись. Милые граждане, скомкивая прокушенные талоны, матом ругали так и не появившегося контролера. Вышли все. Водитель пошел на хуй.

Дома красивыми правильными коробками торчали вдоль дороги, образуя вечерние улицы. До квартиры переться совсем близко. Это радует. Миша шел молча, ногами, вдоль по лужам, сутуло, не глядя вниз. Если подумать, то совсем ничего не понятно, почему это произошло не раньше, а теперь и почему это произошло. Все смутно, неясно.

Лестница до седьмого этажа несла ноги. Ключ щелкнул в замке. Ботинки и одежда остались позади — на вешалке, болтаясь в воздухе на крючке, опадая пылью. Миша дома.

Уважаемая, уважаемая кухня: поцарапанный стол и газовая печь в углу; где-то наверняка должна быть еда; крошки твердо давят в пятки, капельки масла скользко блестят. Наверняка в холодильнике, на одной из полок, притаились жареные тушки зверьков и (совсем хорошо) мокрые плоды растений. Миша распахнул угловатую дверь металлического ящика, выпуская наружу свет и холод. Они здесь — желанные плоды! Миша засунул руку глубоко по локоть внутрь и вытянул один. Сочный, вкусный запах заполнил ноздри. Рука с плодом в пальцах поднеслась к открытому рту.

В это мгновение, словно потревоженный, вкус, до сих пор находившийся тут же, но незаметный и естественный, вспыхнул, стал ярким и до восторга приятным.

Сотовый мед каплет из уст твоих, любимая; мед и молоко под языком твоим. Как лента алая губы твои и уста твои любезны. Как холодильник белые зубы твои. Ни хлеб и ни сало не заменят вкус нежный поцелуя твоего.

В угол шлепнул упавший плод.

* * *

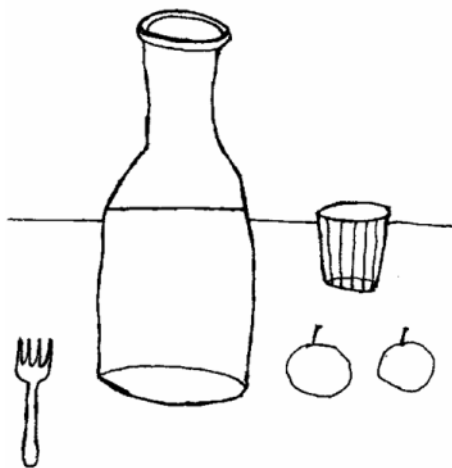
Солнце, будто трахнутый под зад ногой мяч, летело над городом из конца в конец, зависая над улицами и площадями. Летело и еще раз летело и снова летело.

Миша сидел на мягком, смотрел и время от времени моргал ресницами. Лепестки его слегка завяли и концы их скрутились в трубочки.

В углу над сдувающимся овощем летали мухи и пчелы.

Эпилог

В дверь позвонили. Миша встал и пошел на кухню.

В. Бонгаренко. «Ели»

Пролог

— Здравствуй. Ты мусор вынес? Ну что ты все сидишь? Я как лошадь бегаю, а ты все сидишь. Мама мне правильно говорила Ты все занят Занят А я должна одна — как лошадь.

— Здравствуй. Ну что ты все кричишь? Мама мне правильно говорила Я как конь бегаю, а ты все кричишь: «Ты мусор вынес?» Я все занят. Занят!

(три звезды)

Муж и жена ругались. Стены, оклеенные в розовый горошек, и посуда на полках гулко отзывались на вибрацию голосовых связок. Шум, сопутствующий битью в пах с обеих сторон, был не кульминацией, а явлением, можно даже сказать, привычным; и нужно заметить, что вопреки создавшемуся первому впечатлению, ссора эта была делом не столь уж обыденным, а являлась в некоторой мере выплеском эмоций, словно подстежка кнутом по тугому крупу лошади, так как муж был не кто иной, как Карл Брю, и сильные впечатления нужны были время от времени его творческой натуре, как подпитка сальной свече. О же не его сказать много нечего, а лишь: жена его была женой Карла Брю и добавить к этому что-либо разве только, что в возрасте она была моложе своего мужа; была женщиной статной и женщиной с характером.

Со стороны, как это часто бывает, знакомым казалось, что все гладко и муж выносит ведро. Но в действительности Карл Брю, как, впрочем, и его жена, обладал изрядной долей говна. Жена не упускала ни единого момента, что-

бы не ткнуть его в это, что служило поводом к новым ссорам.

— Ты заурядица! Заурядица! — кричала жена. — Буду банальной! но другие в твои годы! уже давно в учебниках. А ты как был на обложке, так там и остался!

— Да разбирайся ты хоть немного во всем этом то и не порола бы чепуху дура! Ты! И только ты! гробишь меня! Разве я могу быть гибким в словесности, когда ты вынуждаешь меня на такие грубости!

— Начинается! Скажи, ты хоть раз спросил у меня! Ведь ты до сих пор не решил, кто ты: поэт или писатель? Неужели так трудно выбрать из двух одно?! Я же ведь не блядь какая-нибудь!

— Толстой в мои годы написал книгу!

— Да тебе-то о чем! и думать-то! Ты бы хоть имя себе подобрал нехреновое.

— У меня не хреновое имя. И я долго его выбирал. Не выводите меня заткнись зараза.

Жена начала ругаться:

— Ну подумайте: я еще и виновата. А твой дядя? Да у вас все в семье чокнутые.

— Не трогай дедушку! Он, между прочим, ветеран!

— Да, я такая! И мне плевать на тебя! Тьфу! Тьфу! Да, да — плевать на тебя! Тьфу-тьфу-тьфу. И на все такое твое! Буду на тебя плевать!

Карл Брю открыл глаза:

— О о огу огу огу огур огу-ре-ц о-г-уре-ц огу.. р-ец

— Миша! что с тобой? — вот и жена испугалась, глядя на Карла Брю.

В пункте скорой помощи зазвонил телефон. Лениво двигая домино, санитар взял трубку.

— А ле? Командир экипажа СП — коренастый мужчина сорока лет, в черных ботинках и желтом пальто, заполнял журнал еловым фломастером. Под-

няв светлые брови — открывая обзор своим голубым с синевой глазам — спросил санитаря:

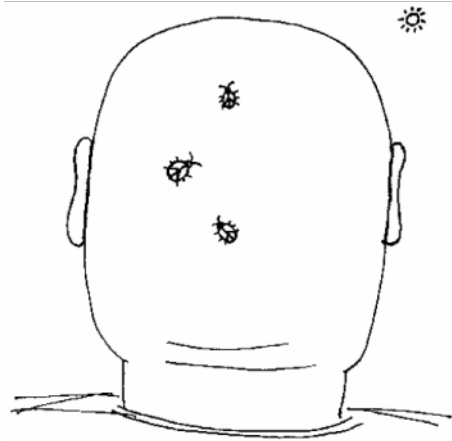
— ?

— Карлу Брю хуево. Звонила его жена. Просила приехать.

У командира заблестел взгляд:

— Я бы сказал, что это совсем даже не обосраться. Включайте лампочки и сигнал! Не каждый день такой праздник! С детства не люблю книжек Карла Брю!

Мигая лампочками и оглушая прохожих мяукалкой, скорая с надписью «MENTO MORI» на левом борту мчалась по запарашенным улицам. В капельнице плескался портвейн.

NOT WAR

В. Бондаренко. «Хиппи-2000»

— Люди звери дети птицы ну и что? Вам-то какое дело до них. Им до вас точно никакого. Всем на вас насрать. И не старайтесь даже что-либо изменить. Будущее, конечно, есть, но не для вас. Все изменят и без вас; как-нибудь и без вас обойдутся. В любом случае шансов Только вздрючат, да и «спасибо» попросят. Так что и не напрягайтесь, не растрчивайтесь. Одно дело, когда я обзову вас «пиздюками» или «гандонами», но другое дело, если так будет на самом деле А так будет. Можно, конечно, надеяться на лучшее, но я надеюсь, что вы умные люди

Прозвенел звонок.

— Таак На сегодня все Можете убывать. Не забудьте мешки. И постарайтесь к завтрашнему.

Дети встали и неровной толпой направились к выходу, поблескивая черными целлофановыми мешками для мусора. Учитель подошел к окну. Дети шумно бежали по улице, расталкивая прохожих и вопя: «Даешь, падлы, завтра!»

Учитель молча отошел от окна. Пальцем почесал конец носа.

«Даешь!..» — доносились убегающие голоса.

стро бы утомило. Можно было дрочить. «Я не дрочу и не хочу», — Павел лгал самому себе. Сиськи много лучше жопа. Это знают все.

Провинциальный писатель Ежов убил свою жену, чтобы прославиться. Провинциальный адвокат Серов взялся за это дело и выиграл. Провинциальный корреспондент Крылов раньше страдал хуйней, а потом написал обо всем этом. Жизнь состоит не только из радости и огорчений.

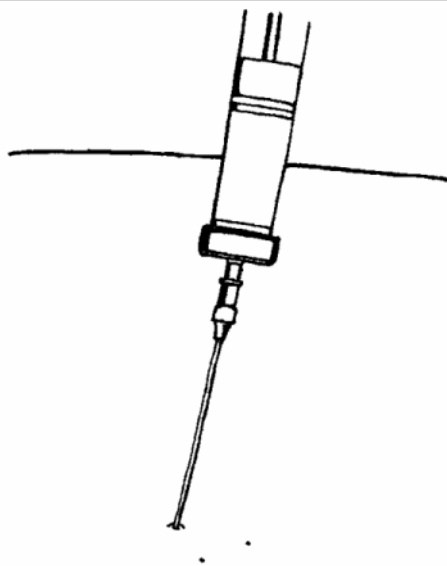
СОН - 2

Он смотрел перед собой мутными, оранжевыми глазами с поволокой. Рукава и все штаны были в каком-то дерьме. Рот он держал закрытым, поэтому я не видел — есть ли у него зубы или нет. Я сел рядом. Он заговорил первым. Я молча слушал, иногда кивал головой или пожимал плечами. Старик сказал: «Я был холодным и твердым, я был мостом, я лежал над пропастью» Чем закончилась эта история я, к сожалению, не узнал, так как перерезал горло.

УЛЬЯНОВ ЛЕНИН

Всякий человек — есть человек. И Ульянову, как всякому человеку было присуще все. Он поносил, объевшись неспелых слив. Он переодевался евреем Сидоровым, жившим ниже, и бегал, сняв штаны, за дворовыми ребятами. Вечером он страдал от того, что взял себе хреновое имя — Ленин. Он хотел другого: чего-то красочного и прекрасного. Он был обыкновенным, обыкновенным человеком, хотя и лазил пару раз на бро-

невик. И надоело, все до отвращения надоело (ебучие автографы, заебучие ходоки, бляди на заднем сидении). Ленин залазил на крышу и кричал там до рези в горле. Он грязно ругался и посылал на хуй звезды. А потом засыпал. Прямо на крыше. Прямо среди кошек и голубиного дерьма. Проснувшись, он не знал, что ему делать и нужно ли что делать. Он заряжал маузер, подносил черное дуло к виску и плакал, бился головой о землю и плакал — от того, что не мог выстрелить. Ульянов был лыс и картавил. Ульянов ненавидел зеркала и себя в них — низенького и конопатого. Ленин прожил жизнь. Ленин сошел с ума в психиатрической лечебнице и кончился Ленин.

— Да, бнх, это — мокруха.
За окном ходили миллионы незнако-
мых людей.

Когда кругом так много незнакомых лю-
дей, — миллионы незнакомых людей, —
близкий друг как нельзя кстати. На близ-
кого друга можно положиться в труд-
ную минуту, ему можно доверять, не
нужно опасаться, что он заразит тебя
нехорошей болезнью, ему можно занять
деньги, его можно обнять, похлопать по
спине, можно сделать сто того, чего
нельзя сделать миллионам незнакомых
людей.

Для Вовы таким человеком был Па-
ша, а для Паши — Вова.

Все бывает в жизни, даже у очень
близких друзей: бывает любовь и неж-
ность, но бывают и ссоры, но по-дру-
жески — нежные и добрые. А когда на
улице зима и миллионы незнакомых лю-
дей, теплая комната ставится еще теп-
лее от дружбы двух близких друзей.

Вова сидит на корточках на полу: ему
не досталось стула. Друг Паша — ря-
дом.

С другом интересно даже молчать, но
где не найдется место хорошей шутке
— хорошей шутке место найдется вез-
де. Паша толкнул Вову — по-дружески
— не сильно, а чтобы стало веселей.

Но Вова сказал:

— Ты что! Я ведь мог упасть и сло-
мать при этом голеностопный сустав.

Чтобы не быть голословным, Вова
упал вперед. Голеностопный сустав
хлопнул, подтверждая правильность его
слов.

— А потом, — продолжал Вова, — не
удержавшись на одной ноге, я упаду,
сломаю руку — рука, в отличие от но-
ги, хлопнула громче, — и ударюсь го-
ловой о твой стул. Тут уж будет не до
смеха, — сказал Вова, ударяясь голо-
вой о Пашин стул.

Грустный паша встал со стула, по-
смотрел на друга — Вову.

ПРО ПОЭТА

Алене

С раннего детства у него наблюдалась
тяга к рифмованию. Пожалуй, имя его
называть не стоит, чтобы не волновать
трепетные нити чувств его родственни-
ков и друзей.

С возрастом рифмование переросло
в более глубокое чувство, именуемое
поэзией, коей и посвящал он все свое
время и помыслы.

Однажды узнав из книг весь ход и по-
следовательность ритуала посвящения
поэтов, он сделал шаг и вступил в ин-
ститут, став прилежным учеником.

Пройдя все — от начала — до конца,
он получил диплом приятного цвета, что
дало ему возможность приобрести бу-
магу, перья, свечи, печатную машинку
— все необходимое для дальнейшего
продолжения ритуала.

Наконец, заперевшись в комнате, рас-
ставив все на столе в необходимой по-
следовательности, он сел на стул, дей-
ствительно намереваясь завершить ри-
туал. Это был апофеоз. Апогей. Оргазм.

Хлопая крыльями, влетела муза. С лю-
бопытством взглянула на поэта: худо-
щав, молод, сутул. Неказист. Подума-
ла: «На этого у меня не встанет», — и
улетела.

Неоновые буквы светились: «Кладбище слонов». Заиндевшие прохожие, посторонние жители, нерешительные кошки проходили мимо, искоса приподнимая края век, но, ловя себя на невеселости, погружали головы поглубже в шерсть и торопливо растворялись. Заведение и правда было веселое. Совсем обыкновенные двери плотно скрывали от прохожих глаз поистине беззаботный и томный полумрак.

На стуле, весь обступленный детьми, в розовых джинсах и боа в тон, сидел, параллельно свесив руки, немолодой старик, кайфово сосущий трубку. Дети тыкали свои неумело покрашенные мордочки в стариковское рыло, а он довольно приподнимал уголки губ и говорил, облизывая мундштук:

— Ну, чего вам еще?

— Расскажи, дедушка, — умильно ныли детишки.

— Чего вам еще рассказать? — спрашивал старик из лукавства ради, зная уже, что последует в ответ.

— Историю Расскажи, дедушка, — нетерпению детей, казалось, наступал отчаянный предел: они переминались с места на место, тарасили наружу глаза и дышали с присвистом.

— Историю рассказать? — дед, поднимая лицо и пропустив взгляд поверх голов еще более осуетивших детей, устремлял его в розовый дымный свет, в фигуры танцующих, в качающиеся бедра, словно там желая найти нечто интересное, достойное пушистых детских ушей. Но нет, его закостеневшие мозги знали давно, как знают и сейчас, чем порадовать милых бездельников.

— Я расскажу вам историю о том, каким я был раньше. Слушайте. Еще раньше — я был тоже человеком, но другим. Это как дерево: летом оно одно; осе-

нюю оно другое; когда стул — третье; когда спички — четвертое. Так и я — был другим человеком. Я был большим любителем совокуплений: биология занимала первое место в моей жизни: я бесконечно вырабатывал гормоны и вены мои раздувались в нетерпении, привычно колотя в висках. Но всему приходит конец и, хотя я и думал, что после конца начнется новое начало, но новое начало было совсем не тем, чего я ожидал. Даа милые дети я ожидал, что я буду кроликом, или лягушкой, или пуделем буду весело вскарабкиваться на весеннюю самку и исполнять свой зоологический долг.

Ожидания облажались. Я стал улиткой. Но не столь великим был бы облом, не томись я 20 дней в мутном пузыре: я ждал: он лопнет и я, молодой, зеленый, с хвостом в жопе, буду бегать по лужайкам и болотам, накапливая либидо. Но через 20 дней я вылупился и не обнаружил ни лап, ни хвоста, а лишь гермафродита, засунутого в спираль. Улитки — обоеполые животные; при спаривании происходит взаимное оплодотворение партнеров. Вы понимаете, дети? Что за удовольствие ползать полжизни, чтобы одному полусамцу-полусамке встретить другого полусамца-полусамку? Обладая трезвым осмыслением вещей, идешь однозначно к выводу: незачем вести бесполезные поиски партнера, когда ты сам себе мужчина, сам себе женщина, уединенный от всех, идеальная пара; делай с собой, что хочешь (когда хочешь: никогда не услышишь «нет»). Передвигаться — лишь когда захочется есть. Время от времени отправляться на поиски пищи — даже приятно. Вы думали, что на брюшке — это ножки? Нет, это совсем даже не ножки Думали, что то, что остается после — слизь? Слизь, но не совсем А когда я наедался, я отправлялся на поиски себя: вверх-вниз-по-спирали; знакомый до

каждой косточки, до каждого хрящика; влекомый; ждущий; обнимающий себя тем, что вы называете «усики»; источающий запах; оставляющий всюду след; он; она; оно; любящий до треска в панцире. Жаль, что у улиток нет крыльев: когда занят чем-то приятным, нет времени смотреть под чужие ноги. Даа Потом я стал человеком. Но больше никогда не смог полюбить женщину.

Старик смолк и мало погоды встал. Дети, все еще обступавшие его, размазывали на своих противных мордах сопли, слюни и губную помаду.

Неоновая вывеска продолжала догорать. Чужие знакомые и незнакомые прохожие молча осознали: хорошо ли, что они ничего не услышали или упустили что-то важное? Коты сонно мяукали.

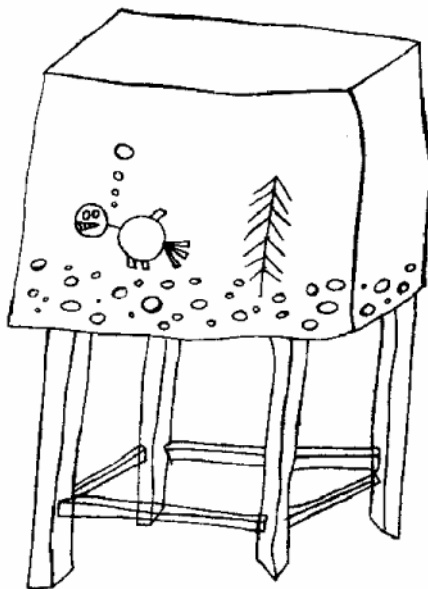
МУРАВЬИ

В нашем мире, особенно в природе, все очень взаимосвязано. И стоит чему-нибудь одному измениться, как сразу все, словно дернутое за одну ниточку, начнет сыпаться вниз на землю.

Муравьи занимают в природе, однако, очень важную роль, хотя и незаметную, так как лазают внизу по самой земле. И если нагнуться очень низко, чтобы травинки тыкали вам в морду, то можно увидеть, как эти невидимые волки насекомого мира исполняют свое грязное, но благородное дело.

Туристы жгут костры в лесах и своими кедрами и сапогами дают беззащитных рыжих санитаров травы. Муравьи дохнут, а остальные прячутся глубоко под землю. Мухи и стрекозы тем временем, отжив свой короткий век, помирают и гниют, упавшие в траву. Убирать

и обглаживать их кости некому, вот они и воняют, и воняют, и воняют все время. Бабочки и пчелы очень чувствительны к запахам; они заворачивают свои хоботы-носы обратно и, не могущие опылять цветы в такой вони, разлетаются в разные стороны и на юг. Цветы вянут. Птицам, гусям и коровам нечего есть. Они все громко мычат. В стране назревает кризис и еще полный пиздец. Президенты стран в панике. Жрать людям нечего. А все из-за маленьких рыжих и черных гадов!

МУРАВЬИ - 2

По асфальту, ярко освещенному солнцем и пышущему зноем, ходят все. Наверху — люди и собаки, ездят машины, идут по своим делам сантехники и ученики спешат в школу. Это все в городе. А ниже — ползают муравьи. Гусениц и клопов уже давно подавили неосторожными шагами женщины, мужчины и их дети. Остались муравьи.

Город — центр индустрии. Здесь производят пиццу и пепси-колу в баночках. Днем в двенадцать часов и до четырнадцати цеха заводов и институтов пустеют: все расходится по уголкам, курилкам и лавочкам. Раздается чавканье, из баночек хлебают пепси-колу. После, встав у станков и столов, им некогда смотреть вниз — как там муравьи таскают крошки и капли, очищая ваш и наш город.

МУРАВЬИ - 3

На тротуаре, ближе к газону, сидела кошка и лизала свой хвост. А рядом мимо нее, весь надувшийся от напряжения, бежит муравей. В его челюстях зажат кусочек птичьей какашки. Это для нас — это кусочек птичьей какашки, а для муравья — это кусок птичьего говна. Он тащит его, весь натужившись, вспотев, изредка пукая. Иногда он бросает ношу на землю и бежит по кругу, матюкая своими усиками. Остальные муравьи уже все знают и в своих норах радуются — очищают место, ожидая еду, которую несет им их друг. Муравьи очень сплоченный и дружный народ. Среди насекомых они на первом месте. Каждый муравей знает свое дело, четко выполняет распорядок. Этот муравей

полз очень далеко, чтобы найти лакомую пищу для своих соплеменников. Теперь он возвращается с полной добычей. В это время кошка уже лижет себе яйца. И какая польза от кошки?, ведь от муравья она больше.

МУРАВЬИ - 4

Когда однажды утром я проснулся и тут обнаружил, что я уже не человек, а муравей. Мне стало обидно, что я муравей не во весь свой рост, а только в рост муравья. Сидел я посреди кровати, раскинувшейся далекими равнинами в разные стороны. Прежде всего, стоило определить причину моего этого положения. Это мало поддавалось объяснению, но мозг мой, оставшись так же человеческим в муравьиной голове, жаждал познания. Может, это было из-за того, что время перевели на час куда-то. Я посмотрел на стрелки часов, возвышающихся гигантами надо мной. Нет, часы показывали время точно.

Бывает так, что снится, словно это все на самом деле. Тогда нужно себя щипать пальцами за жопу. Это глупости, ведь я уже не спал, это значит, что я уже не спал, значит, мне это не снилось. Тогда что же это может быть еще? Как объяснить тот факт, что я так изменился? Было я списал это на галлюцинацию, как это бывает в медицине. Слабодушие, малодушие: нет ничего проще, чем тут же справиться с чем-то непонятным, списав это на галлюцинацию и обман, иллюзию. Как бы не так.

Это может быть гипноз, но ведь стены в нашем доме железобетонные, с покрытием и я сразу откинул эту версию. Это вполне может быть влияние Ф.Кафки. А ведь я не читал его «Превраще-

ния». Я сразу откинул эту версию. Тогда что же?

И тут я вспомнил, что когда-то была война и люди брызгали в людей отравленным ядом и те приобретали новые симптомы. Слишком это сложно, чтобы произойти в моей квартире. Вспоминаю: я вчера не пил, не курил, не колол, не глотал, не читал, не смотрел и не ел грязными руками. Тут я перестал думать и в считанные секунды пробежал и спустился на пол, а потом и на улицу. Кругом бегали тоже муравьи и многих из них я знал в лицо. Я увидел своего соседа и своего друга с подругой, подбежал к ним и сразу же втянулся в новую компанию. Целый день мы бегали и прыгали по своим делам, а к вечеру я уже забыл, что мы муравьи.

МУРАВЬИ - 5

Тысяча миллионов лет назад, когда на Земле полноправили динозавры, на нашу планету упал космический корабль. Это был звездолет пришельцев из космоса. В далеком космосе был их дом. Когда на их родной планете произошла катастрофа, то они не смогли больше жить на ней и отправились на поиски нового дома в бескрайние просторы Вселенной. Долго они скитались от планеты к планете, но все это было не то. И вот однажды на их пути встретилась голубая планета, а если подойти поближе, то она становилась зеленой. Пришельцы высадились на эту планету, им понравилось. На планете жили только динозавры и росли деревья бабабао. Динозавры были величиной с современный дом, а пришельцы из космоса выглядели точно как муравьи, но величиной с современного гуся. С годами на

Земле изменился климат, динозавры выдохли, а инопланетяне из космоса стали маленькими-маленькими — с букашку. И позже на планете появились люди. Сначала два, потом — целые деревни, страны и поселки. С самого начала люди повели себя как хозяева на этой планете — настроили домов, протянули дороги и развели собак, коров и курей, которые гадили где попало.

Так продолжается множество лет. Но муравьи разводят тлю на баклажанах и ничуть не обижаются на людей — люди естественный природный фактор, регулирующий численность муравьев на 1 км². Муравьи это отлично понимают и продолжают рыть свои шахты глубоко к центру планеты Земля. Скоро все реки и нефть просочатся сквозь эти туннели и останутся на земле только мы и скважины в упоминание о них. И тогда муравьям снова придется летать в далеком космосе в поисках новой зелено-голубой планеты.

САМОЛЕТ

По небу летел самолет. Но было ли небо? Небо — это то, что сверху земли, а если земля куда-то исчезла провалилась растворилась на хрен Зато осталось то, что сверху, также с облаками, также с голубизной, но разве это небо, раз нету внизу земли, да и людей тоже нету?

Старший штурман Басов сохранял свою хладнокровность и не думал напрасно о тех людях и землях, что были, но вдруг растаяли, как будто мыльная пена на ляжке его любовницы — стюардессы Веры. Гораздо серьезней было то, что бензин уже находился на исходе, а экстренный бензозаправщик на

связь не выходил. «Ебанные чурки!» — Басов в ярости хватил кулаком по пластмассе клавиатуры: «Они там только и думают, что хуей база, сука. Извини, Вера, что я заругался», — Сергей заметно покраснел.

— Ну, Басов, что будем делать? — это сказал Виктор Борисович, — думаю я, что бензина нам хватит ненадолго. Что думаешь?

Басов посмотрел на мужественное лицо командира их экипажа. В этих светлых голубых глазах, прямых скулах, прямом греческом носе и выгоревших под знойным солнцем русских волосах, застыло все его сила и отвага.

— Виктор Борисович, я думаю, что надо что-то делать, иначе нельзя.

Они думали — думали вместе — два сильных мужика, что могли бы работать на заводе среди стали, или высаживаться на северном полюсе, но вместо этого они перевозили по воздуху людей и грузы. И неизвестно, что было яростней: потоки воздуха, вздымавшие, словно щепку, стальную обшивку лайнера, или безудержное движение извилин мозга в головах летчиков, думавших о том, как не произошла бы катастрофа.

— Виктор Борисович, я думаю, что нужно мне пойти в бензобак и посмотреть на месте, что там можно сделать.

— Правильно, Сергей. Молодец, — Виктор Борисович улыбнулся, радуясь тому, что в его экипаже есть такой смелый парень.

Остальные члены экипажа, несмотря на то, что молча сидели на разных местах, каждый занимался своим делом. Надежда еще не покинула радиста Аристарха Минакиса, он беспрестанно пытался связаться с центром. Стюардесса Наташа варила кофе и успокаивала пассажиров. Ее тележка монотонно сновала между рядов, позвякивали ложки в стаканах, успокаивая ничего не подозревающую публику.

Басов шел молча обходным коридором: сейчас ему не очень хотелось видеть чьи-то глаза, смотрящие ему в лицо, ведь это могли быть последние минуты его жизни: никто не мог предугадать, что произойдет в бензобаке, да и что там случилось.

* * *

Басов стоял посреди огромной пустой емкости совсем один. Поэтому было скучно.

Басов подпрыгнул и отворил на лету люк, ведущий в бензопровод. Он был пуст. «Одно из двух: или или» Подпрыгнув, Сергей ухватился за проем и повис на руках. Он подтянулся и вскарабкался вовнутрь. Бензином здесь не пахло.

Басов лез вперед. «Значит, пробки нету. Что же тогда?» Ответ ждал впереди.

To Be Continion

Самолет, подгоняемый стремительным ветром, неся, словно пуля, вперед. Раскинув широко стальные крылья, он даже не подозревал, что за опасность таится; а внутри, преодолевая усилия, полз человек, стараясь спасти, быть может, даже ценой собственной жизни.

Бензобак был пуст. Луч фонаря скользнул по металлической обшивке, расходясь радужным рисунком по тонкой бензиновой пленке.

— Виктор Борисович, бензобак пуст, — сказал Басов, поднеся рацию к своим тонким губам.

Шипение прервалось и на том конце раздался голос.

— Сергей, нужно что-нибудь делать. Думай, Сергей!

Выход оставался один: тянуть время, хотя бы недолго — но чтобы можно еще подумать — самолет должен лететь.

Басов стоял посреди огромной пустой емкости совсем один. Поэтому было скучно.

Сергей сделал несколько шагов вперед и встал перед выпуклой в другую сторону стенкой. Он знал, что ему делать.

Пассажиры удовлетворенно отбрасывались на мягкие спинки кресел, потягивали из чашечек кофе и читали статьи в газете. В это время Сергей Басов совершал обыкновенный подвиг.

Его большие мозолистые руки сгребали тоненькую пленку бензина и гнали ее к горловине, ведущей в мотор. На пустое место сверху спускался снова бензин и Басов снова гнал его. Снова и снова. На его руках лопнули уже мозоли и сквозь них сочилась кровь. А на лбу выступил пот и капал вниз. Бензин с потом и с кровью наконец-то подступил к глохнущему сердцу-мотору и самолет заработал вновь.

Небо гудит, словно глохнущий барабан. Завеса туч непрозрачного свинцового цвета, словно одна только она существует, и нет ничего кроме нее; ни туч, ни даже солнца. А есть еще молнии и сквозь толстую пелену слышатся глухо раскаты грома.

Басов сидел на металлическом и свешил с колена ладони. С них понемногу капала кровь. Его взгляд смотрел в темноту. Стенки бензобака были абсолютно сухи и чисты. Но расслаживаться было нельзя: нужно было идти.

Обратный путь был хотя таким же, но тяжел: в спине глухо отдавалась боль, в висках стучало, а глаза стали красными. Еще — хотелось курить. Сергей посмотрел на часы: в таком положении самолет не мог продержаться долго.

Басов распахнул дверь и ввалился в кабину: наконец-то его одиночество кончилось. Все не изменилось по-прежнему: всякий занимал свое место и делал свое нужное дело. Вот только взгляд

Виктора Борисовича сделался другим: будто он, словно родной брат после долгой разлуки, был видеть рад своего родного брата, вернувшегося из далеких стран к себе на родину. Еще минута и он бы обнял Серегу, но лишь сделал шаг вперед.

— Молодец, Сергей Никифорович. Молодец

Наступила тишина. Молчание было вместо всех красноречивых слов. Конечно, нельзя было надеяться на то, что бензина хватит на долгое время, но и думать, что старания Басова были напрасны — было бы неправильно.

Ветер подхватил под оба крыла самолет и нес его вперед, еще пока что, но уже это было ненадежно; новый и новый порыв был как дарование неба, но в любую минуту штиль мог бы прекратить это. Что было бы тогда, Басов и Виктор Борисович думать не хотели, ведь и так было ясно.

Пассажиров было мало. Но и среди них было несколько стариков с противными ртами; наверное, бывшие фашисты. О молодых людях и говорить нечего. Синева сумерек за иллюминатором отражалась в их глазах. А больше там ничего не было.

Мотор, молотивший внутри самолета, и ветер снаружи и все эти извилины, сокрытые широкой скорлупой черепа: оно ВСЕ пребывало в непостижимом движении, вдалеке от мира и спокойствия, потому что это-то и была ЖИЗНЬ.

— Басов, не хочу тебя огорчать, чтобы твои старания не были напрасными, но бензина уже хватит не надолго.

— Бля. Сергей Никифорович, у меня есть задумка. Интересно, совпадает ли она с твоей?

— Не знаю, Виктор Борисович, но что тут остается: из топлива остались только сиденья в салоне, да багаж еще и пассажиры, но их мало

— Ничего: как-нибудь дотянем. Правильно, Сергей. Басов, Виктор Борисович, Минакис, я, Баранников пошли в салон.

Да, самолет будет лететь. Сколько? Еще неизвестно, так как и все другое, но конец будет, а нет — навряд ли. Все имеет свое продолжение, а пока: самолет летит. И ветер дует ему в нос, а иногда — в хвост: кто поймет этот ветер? А рядом было и солнце.

В кабине пахло жареным мясом и паленым дерматином, так же, как и в салоне. От этого запаха хотелось есть, то есть — пришел и аппетит. Все члены экипажа сидели по своим местам и немного устали.

— Верочка, а не заморить ли нам червячка? — Виктор Борисович улыбнулся и прищурил свои глаза.

Через время в кабину вошла Вера, толкая перед собой тележку. С напитками и бутербродами.

МЫЛО*

Это произошло в те светлые времена НЭПа. Колхозы были на время распущены, а нового пока не создали. Ее звали Феней. Она торговала мылом в продмаге. Мыло было жидкое — в бутылках. Мужики брали его для разных нужд. Да и бабы брали.

Мыло тогда было совсем не такое, как знаем мы: сейчас мыло в брикетах, ничего не стоит просто взять в руку; Фенька торговала мылом жидким. Из ладони оно капает вниз, просачиваясь сквозь пальцы противными белесыми каплями,

похожими на сперму, и оставляет после себя скользкий след и запах.

СКОРОСТЬ*

Скорость не позволяла высовывать голову в форточку, а деревья мелькали с невероятной частотой, превращаясь в сплошное сито: поля, видимо находившиеся за стеной леса, дребезжали и воняли свежим гумусом, похожим на тот, что бывает осенью и весной, после схода снега.

Lumbricus rubellus, с двух сторон одинаковый, независимо от твоего желания, заметен или не заметен, одинаковый с двух сторон.

В чашках звенят ложки, в ритм поезда — выражая звуком суть его движения.

Скорость все убыстрялась и убыстрялась, также и наше движение сердец, голов, поворотов, но это не заметно, так как происходит постепенно, дая нам время; те же, кто позже или только сейчас включился в движение, сидят в хвосте, обхватив ногами толчек.

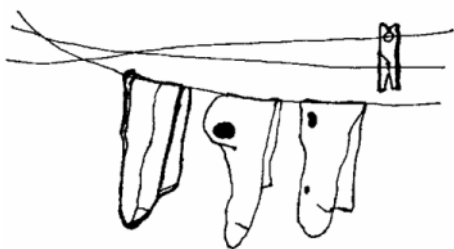
При нажатии педали кал и пережеванный винегрет с батоном разветривается потоком воздуха под брюхом вагона. В полете они сгорают от трения о слой атмосферы и ложатся на рельсы не ровными бороздками, а кучками бесцветного пепла.

Темно-синий с оттенком фиолетового при движении становится серо-голубым. Просветы мелькают в четкой последовательности, но изнутри этого не видно: такова дорожная особенность.

* Название не является сутьвыражающим, а служит только для более удобного различия произведений

На подоконнике, прислонясь спиной к раме, сидел машинист электрички Павел Юрьевич. Вокруг депо цвели абрикосы и яблони. Их нежный аромат проникал в его мохнатые ноздри, смешивался там с едким запахом папиросы и создавалась иллюзия, что куришь не Беломор, а хорошие болгарские — «Фруктовый аромат» или «Козбек». Павел Юрьевич стряхивал пепел за окно, где тот летал рядом с ранними мухами и пчелами. Друзья и соратники называли Павла Юрьевича не по имени-отчеству и не по фамилии, а прозвищем: Тарань. Павел Юрьевич не обижался. Кто и когда дал ему это имя, наверное, и не знал никто, да и всем было насрать на это.

В детстве с отцом и старшим братом Митькой ездил он на Дон, там варили уху и рыбу ловили сетью, а иногда и динамитными шашками. С того далекого времени проснулась в Таране любовь к скользкой, приплюснутой, блестящей на солнце зверюге. С годами приходили и уходили друзья и жены, а любовь эта осталась где-то в глубине сердца, раз и навсегда.

В. Бондаренко. «Носки»

Зажав папиросу натуральными желящими зубами, Павел Юрьевич отворотил борт пиджака и вынул из внутреннего кармана сушеную рыбу. Шершавые ногти в черной каемочке ловко отковыривали чешуйчатую рыбью шкуру.

КРЫМ

Солнце греет и светит во всю свою силу. Пересекают его облака и время от времени, расплавившись, падают осадками на раскаленный песок. Капли тихо шипят и устремляются тонким туманом к голубому небу Черноморья, преломляя лесок чуть вдалеке от пляжа. Кажется, что он поплясывает на месте, но это лишь вздымается тонкая завеса зноя.

Под пение птиц, среди которых не найдешь ни одной одинаковой, и голова их рознятся, также, как и их оперение не похоже друг на друга, бодро стрекочат в шуршащей от ветра траве кузнечики, будто зависшие между небом и морем, где отражаются самолеты и проплывают катера, всколыхивая волны.

Песок мягок как перина и тепл, и можно с разбега опустить в него свою жопу. И хочется только сидеть на нем и лечь потом, грея спину, ноги и пятки, кушая виноград. Солнце греет, словно медицинская грелка, но глаза прикрывают надежно очки из толстого зеленого стекла.

Рядом подпрыгивают на мясистых своих, мускулистых ногах женщины в купальниках. Лямки врезаются между их ягодич, округляя полушария, покрытые

* Название не является сутьвыражающим, а служит только для более удобного различия произведений

бисеринками пота. Жесткие волосинки выбились из-под краев плавок и развеваются под ветром, напоминая тараканьи усики. Женщины прыгают одна за другой, и мяч перелетает над сеткой то сюда, то обратно. Он пружинит от их пальцев и скачет по воздуху. Пальцы вновь отталкивают его. А если бы это была бомба?

СОДЕРЖАНИЕ

Кельт	4
ВАРЕЖКИ И РУКАВИЦЫ	4
ХРАМ	5
СТОН	5
ИСТОРИЯ ШЕСТИ МУДАКОВ (В ПРОЗЕ)	5
КРАТЧАЙШЕЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО СУЩЕСТВОВАНИЯ БОГА	7
PREPOSSESSING RENUNCIATION	8
ОДИН В ЧУЖОМ ДОМЕ	9
СТУПОР	16
ОСТАТКИ	17
ЩЕДРОЕ СЕРДЦЕ	18
Дмитрий Криворучко	20
МЕРТВЫЙ МОРОЗ	20
* * *	21
РОМАН	21
К ВОПРОСУ О ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ОТКРЫВАНИЯ РТА В СПЯЩЕМ (ЛИБО СОМНАМБУЛИЧЕСКОМ) СОСТОЯНИИ	22
ИЛИ ЖИЗНЬ И НЕВЕРОЯТНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ	22
ПРИВЫКАЙ	25
КРАСНАЯ МАШИНА	34
РОМАН	36
Юрий Фесенко	40
МИША	40
МИША - II	41
МИША - III	42
МИША - IV	43
МИША - V, или ВТОРОЙ ЛЕНИН	44
МИША-VI	45
МИША - VII	45
МИША - VIII, или ВЕЛИКАЯ ПОПОЙКА МАРУСИ И МИШИ	46
МИША - IX	46
МИША - X	46
Вячеслав Бондаренко	48
ЕДИНСТВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК	48
ГОЛУБИ	49
ТИШИНА	50
ПОЦЕЛУЙ	52
СКАНДАЛ	54
УРОК	55
ЖИЗНЬ И ТЕЛИК	55
LIFE	56
СОН - 2	56
УЛЬЯНОВ ЛЕНИН	56
БНХ	57
ПРО ПОЭТА	57
365	58
МУРАВЬИ	59
МУРАВЬИ - 2	60
МУРАВЬИ - 3	60
МУРАВЬИ - 4	60
МУРАВЬИ - 5	61
САМОЛЕТ	61
МЫЛО	64
СКОРОСТЬ	64
РЫБА	64
КРЫМ	65

АКМ

журнал литературы экстремальных направлений

Редактор Ромыч Еримеенко

Рисунок на обложке Юрия Фесенко

Набор значительной части текста сделал Сергей Кришна Кушкарров

Рисунок на с. 1, 2, 4, 20, 40, 48 Славентия Бондаренко

Фотографии на с. 4, 40, 48 предоставил Леонид Филь

Спасибо Никите Проценко, Паше Криворучко, Максус Качелкину,
Сергею Яковлеву, Жене Харитонову, Васе Владимирскому

Украина, 348006, Луганск
кв. Героев Сталинграда, 9/49
Тел. дом. (0642) 95-60-67
тел. раб. (0642) 54-72-63
Fido 2:4615/1.29

